

С.Н. Абашин

В.П. Наливкин:

**«...будет то, что неизбежно должно быть;
и то, что неизбежно должно быть,
уже не может не быть...»**

Кризис ориентализма в Российской империи?*

В 2003 г. умер Эдвард Саид. Его книга «Ориентализм», которая вышла в свет в 1978 г., сразу после опубликования стала мировым интеллектуальным бестселлером.¹ Саид продемонстрировал, весьма ярко и убедительно, что знание о Востоке (научное, художественное, изобразительное и т.д.), последние столетия формировавшееся в европейских странах, никогда не было нейтральным по отношению к практике завоевания и подавления, которую Европа осуществляла во взаимоотношениях с «неевропейскими» (прежде всего восточными) культурами и территориями. Это знание, каким бы оно ни было – более правдивым или более ошибочным, более негативным или более положительным, всегда являлось инструментом колониального угнетения. Ориентализм как «способ мысли» был также «...западным

*Я выражаю благодарность Д. Арапову, А. Халиду и С. Асановой, оказавшим помощь в сборе материалов к статье.

¹ Одно из последних переизданий: *Said E.W. Orientalism*. London: Penguin Books, 1995.

способом доминирования, реструктуризации и властвования над Востоком...»¹

Влияние книги Саида и его «языка» на развитие гуманитарных наук в целом и на колониальные и постколониальные исследования в частности переоценить невозможно. Но вместе с восхищением труд Саида встретил серьезную критику, которая не ослабевает вплоть до сегодняшнего дня. Оппоненты из разных идеологических и научных лагерей упрекают Саида за антизападничество и «поддержку» исламизма, за слишком упрощенное представление о «Западе» как однородной силе и культуре, за эссенциализацию границы между Западом и Востоком (вопреки заявленному намерению деконструировать эту границу), за прямолинейный детерминизм между знанием и властью и т.д. В этой критике, безусловно, оказалось много справедливого, что заставило Саида и его сторонников уточнить свои аргументы, более четко сформулировать некоторые ключевые тезисы, внести коррективы в отдельные определения². Саидовская концепция оказалась вполне жизнестойкой, способной к развитию и самосовершенствованию.

Одним из направлений критики – и одновременно одной из попыток переосмыслить, обновить взгляды Саида – стал вопрос о применимости его выводов к разным историческим эпохам и разным странам. Саид изучал примеры «классических» империй – Великобритании и Франции, а также послевоенных Соединенных Штатов. Германия, Голландия, Испания, Португалия, Россия и пр., не говоря уже о весьма проблемных с точки зрения «ориентализма» Турции, Китае и Японии, по сути, выпали из саидовского анализа, вольно или невольно сузив тот горизонт, который самой концепцией был обозначен. У оппонентов Саида, таким образом, возник естественный соблазн проверить и опровергнуть его концепцию на нетипичных фактах и ситуациях.

В 2000 г. появилась статья Натаниэля Найта «Григорьев в Оренбурге, 1851–1862: «Русский ориентализм на службе Империи?»³ Автор попытался, анализируя взгляды и научно-административную карьеру известного востоковеда В.В. Григорьева, оценить применимость и полезность теории ориентализма к контексту Российской империи. Найт обращает внимание на несколько вещей. Первое – Григорьев рассматривал изучение Вос-

¹ *Said E. W. Orientalism. P. 3.*

² Саид Э. Ориентализм. Послесловие к изданию 1995 года // Социологическое обозрение. 2002. № 4. Т. 2. С. 33–48.

³ *Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? // Slavic Review. Spring 2000. Vol. 59. № 1. P. 74–100.*

тока не как постижение «далекого и экзотичного “другого”», а как познание самой России, которая сама включает в себя элементы Востока. Изучение Востока для Григорьева было стремлением к национальному самопознанию и национальному самоопределению России перед лицом европейского культурного влияния. Второе – Григорьев не ставил знак равенства между «цивилизаторской миссией» России на Востоке и завоеванием Востока. Для Григорьева «цивилизаторская миссия» была скорее культурным присвоением восточных обществ с помощью «примера» и «образования», причем русский ученый представлял этот процесс как взаимодействие культур, а не проникновение русской культуры в бескультурную «пустоту». Все это, как полагает Найт, не вполне соответствует саидовскому определению ориентализма.

Найт не видит, как сугубо востоковедческие занятия Григорьева могли влиять на проведение той или иной политики в регионе, более того, согласно найтовским изысканиям, взгляды Григорьева часто противоречили желаниям и действиям власти, были оппозиционными по отношению к последней. Найт говорит, что восточная политика менялась или не менялась, но не под влиянием знания, а из-за бюрократической инерции и политических интриг. «В случае с Григорьевым, – пишет Найт, – знание не было равно власти»¹. Пример Григорьева, с точки зрения Найта, позволяет поставить под сомнение мысль Саида, что представление о «другом» обязательно подчиняет этого «другого». Другими словами, «...схема, выдвинутая Саидом для понимания западного ориентализма, должна с большой осторожностью применяться, – если это вообще следует делать, – для изучения России...»².

Свои возражения на выводы Найта изложил историк Адиб Халид, который попытался защитить концепцию Саида³. В аргументации оппонента он видит изъяны: тот факт, что Григорьеву не удалось сделать административную карьеру, не ставит под сомнение тот факт, что он «страстно» хотел этого и что он все-таки служил на границе империи; негативное отношение к завоеваниям само по себе не отрицает связи между знанием и

¹ *Knight N. Grigor'ev in Orenburg, 1851–1862: Russian Orientalism in the Service of Empire? P. 88.*

² *Ibid. P. 97.*

³ *Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism // Kritika. 2000. № 4. Vol. 1. P. 691–699. См. в том же номере журнала ответ Н. Найта (Knight N. On Russian Orientalism: A Response to Adeeb Khalid. P. 701–715) и комментарий М. Тодоровой (Todorova M. Does Russian Orientalism Have a Russian Soul? A Contribution to the Debate between Nathaniel Knight and Adeeb Khalid. P. 717–727).*

властью, если только идеалом такой связи не представлять «востоковедов, которые отдавали приказы к выступлению войск». Халид отказывается рассматривать российский случай как нечто уникальное и приводит пример другого русского востоковеда – Н.П. Остроумова, который был создателем множества влиятельных научных текстов по этнографии и истории Средней Азии, исламоведению и пр. и одновременно занимал важные институциональные позиции внутри колониальной власти Туркестанского генерал-губернаторства, определяя и осуществляя политику управления в регионе. «...То, что Остроумов использовал авторитет своих востоковедческих знаний и сочетал их со службой империи, конечно, воскрешает в памяти работу Эдварда Саида, который утверждал, что между знанием и властью в империях существуют тесные связи...»¹

Обе стороны в споре по-своему правы. Халид прав, утверждая, что русский ориентализм вполне вписывался в стандарты «классического» европейского ориентализма, использовал те же дискурсивные приемы описания «Востока» и пытался выступать в роли гегемона и лидера по отношению к «Востоку». Найт прав в том, что у русского ориентализма было много особенностей и внутренних противоречий, которые оставляют пространство для применения более гибких исследовательских приемов и более разнообразных оценок деятельности тех или иных персонажей и российской власти в целом.

Мне представляется важным тезис, с которым вроде бы соглашаются – каждый на свой манер – и Найт, и Халид, о том, что ориентализм, в том числе российский ориентализм, нельзя рассматривать как нечто монолитное и тотальное, неподвижное и неизменное, неспособное к диалогу с другими «способами мышления». Я, в частности, хочу отметить то часто упускаемое из виду обстоятельство, что осознание и описание «других» и собственное самоопределение «России» и «русских» происходило в рамках различных дискурсов – колониального (его частью был ориентализм²), национального, либерального, социалистического

¹ Khalid A. Russian History and the Debate over Orientalism. P. 691.

² Ориентализм – один из вариантов колониального (постколониального) дискурса. Это один из самых влиятельных дискурсов, но не единственный. Существуют другие колониальные дискурсы, связанные с Африкой, Америкой, Восточной Европой, Сибирью. У всех них есть общие черты, многие из которых Саид описал на примере ориентализма, но очевидно, что у колониальных (и постколониальных) представлений и стратегий господства по отношению, допустим, к Латинской Америке или Приполярью была своя собственная специфика.

(с народнической ветвью) и пр., в которых были свои особые оппозиции «мы/ они» и формировались свои особые представления о культурных и социальных границах, о «русскости», об истории и о политическом будущем мира и России. Эти дискурсы пронизывали разные области знания и, подобно ориентализму, становились инструментами власти, борьбы за ресурсы и за влияние.

Конечно, ситуацию несколько запутывает то, что различные дискурсы не существовали независимо. Они оказывали взаимное влияние, конкурировали и сотрудничали, заимствовали аргументы и образы, пытались друг друга подчинить. Так, в русском ориентализме, который основан на идее «цивилизаторской миссии» России на Востоке, легко распознаются элементы социалистического (народнического, марксистского и др.) дискурса с его специфическими идеями освобождения от гнета правящих классов, формационных переходов, социально-экономической эволюции. В свою очередь, социализм, перемещаясь в азиатские регионы, все чаще обращался к ориенталистской риторике, указывая на европейское происхождение империализма и смешивая – осознанно или неосознанно – классовую эксплуатацию с колониальной. Это взаимодействие, которое можно в разных ситуациях и на разных этапах существования империи классифицировать и описывать как специфику русского ориентализма или как его кризис, должно стать предметом специального изучения и анализа, учитывая советско-марксистскую историю пространства бывшей Российской империи после 1917 г.¹

В своей статье, используя все тот же небесспорный биографический жанр и ссылку на «некоего востоковеда девятнадцатого века», я хотел бы проследить историю русского ориентализма на примере судьбы русского ученого и чиновника Владимира Петровича Наливкина. Эта замечательная фигура дополняет тот ряд востоковедов, о которых писали Найт и Халид, а анализ его взглядов и жизненного пути дает пищу для размышлений о трансформации русского ориентализма, ставшей, помимо прочего, результатом его взаимодействия с другими дискурсами².

¹ См. дискуссию об «имперскости» СССР: Суни Р. Диалектика империи: Россия и Советский Союз // Новая имперская история постсоветского пространства. Казань, 2004; Martin T. An Affirmative Action Empire: The Soviet Union as the Highest Form of Imperialism // A State of Nations: Empire and Nation-Making in the Age of Lenin and Stalin / R.G. Suny, T. Martin (Ed.). N.Y.: Oxford University Press, 2001.

² Замечу, что в западной литературе фигура В.П. Наливкина и его биография не получили должного освещения. Он обычно упоминается либо как «востоковед», либо как «администратор» (см.: Pierce R.A. Russian Central Asia, 1867–1917. A Study in Colonial Rule. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1960. P. 215;

Славная судьба?

О В.П. Наливкине сказано много, хотя далеко не все эпизоды его жизни прописаны достаточно полно¹. Повторю некоторые факты из опубликованных биографий Наливкина.

Владимир Петрович Наливкин родился в 1852 г. в г. Калуге в дворянской семье². По словам самого Наливкина, он вырос «в военно-помещичьей среде», поэтому военная карьера молодого человека была предопределена. Закончив Первую Петербургскую военную гимназию, Наливкин поступает в престижное Павловское военное училище, где является одним из наиболее способных учеников в своем классе. В октябре 1872 г. Наливкин прибывает в Туркестан, где в это время идут активные военные действия. 21-летним юношей участвует в военном походе в Хиву в 1873 г. в чине хорунжего конно-артиллерийской бригады Оренбургского казачьего войска, в 1874 г. производится в чин сотника, участвует в Туркменской экспедиции, на рубеже 1875–1876 гг. – под началом М.Д. Скобелева – в Кокандском походе.

После женитьбы³ и завершения Кокандского похода в судьбе Наливкина происходят изменения. В 1876 г. он переводится из действующих войск на службу в военно-народном управлении Туркестана, становится помощником (т.е. заместителем) начальника Наманганского уезда⁴, короткое время служит членом Организационной (поземельно-податной) комиссии. При военном губернаторе А.К. Абрамове приказом от 29 мая 1878 г. 26-летний

Khalid A. The Politics of Muslim Cultural Reform: Jadidism in Central Asia. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1998. P. 71, 179–180; Brower D. Turkestan and the Fate of the Russian Empire. London, N.Y.: Routledge Curzon, 2003. P. 68).

¹ См.: Владимир Петрович Наливкин // Историография общественных наук в Узбекистане. Биобиблиографические очерки / Сост. Б.В. Лунин. Ташкент, 1974. С. 247–258; Лукашова Н.М. Научная и просветительская деятельность русских исследователей в Средней Азии в конце XIX – начале XX в. В.П. Наливкин: Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1991 (см. также: Лукашова Н. В.П. Наливкин: еще одна замечательная жизнь // Вестник Евразии. 1999, №1–2(6–7)); См. также биографическую справку Д.Ю. Арапова о В.П. Наливкине на с. 11–15 настоящего издания.

² По другим источникам, в Казани (Лукашова Н. В.П. Наливкин. С. 38).

³ Жена Наливкина – Мария Владимировна (в девичестве Сарторий), выпускница института благородных девиц, заслуживает особого разговора в отдельной статье. У четы Наливкиных было 4 ребенка.

⁴ О военно-народном управлении см.: Абашин С.Н. Империя и местное самоуправление: идеология реформ в русском Туркестане в конце XIX – начале XX в. // Пространство власти. Исторический опыт России и вызовы современности. М., 2001.

Наливкин увольняется со службы «по болезни» в чине штабс-капитана «с мундиром». Тогда же он с семьей селится в урочище Радван (недалеко от г. Намангана) среди кипчаков, а потом приобретает на средства, полученные женой в приданое, небольшой земельный участок в кишлаке Нанай, где проживает несколько лет, изучая язык и быт местного коренного населения. Чуть больше года молодая семья живет в центральной Фергане, где Наливкин, будучи членом специально созданной комиссии, изучает причины передвижения песков.

После смерти в 1882 г. первого генерал-губернатора К.П. фон Кауфмана и назначения нового – М.Г. Черняева в Туркестане начинаются перемены и ротация кадров. В 1884 г., спустя 6 лет после своего увольнения, 32-летний Наливкин возвращается на службу в должности младшего чиновника особых поручений при военном губернаторе Ферганской области Н.А. Иванове. В это время Наливкин становится известным человеком, в частности в роли знатока местных языков, нравов и истории. В том же году Наливкина командировуют в Ташкент в комиссию «по устройству быта туземцев». Его замечает новый генерал-губернатор Н.О. фон Розенбах. Наливкин читает для высших чиновников Ташкента несколько лекций о туземцах, а в конце 1884 г. по распоряжению Розенбаха переходит в систему Министерства народного просвещения, где работает на разных должностях вплоть до 1899 г.

В 1880-е гг. начинают выходить в свет многочисленные научные работы Наливкина по истории, этнографии, экономике, языкознанию туземного населения Туркестана. Первые статьи появляются в главной официальной газете края «Туркестанские ведомости»¹. В 1884 г. издается написанный совместно с женой «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда»², а четыре года спустя – две большие и самые известные работы «Краткая история Кокандского ханства» и «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы»³. В 1889 г. «Краткая история» переиздается на французском языке

¹ «Очерки землевладения в Наманганском уезде», «Вопросы туземного земледелия» (1880), «Топливо в Наманганском уезде» (1880), «Киргизы Наманганского уезда» (1881), «По поводу книги А.Ф. Миддендорфа “Очерки Ферганской долины”» (1883), «Заметки по вопросу о лесном хозяйстве в Фергане» (1883) и др.

² Наливкину, как лучшему знатоку туземных языков, был доверен перевод на «сартовский язык» Положения об управлении Туркестанского края 1886 г., некоторых других официальных документов.

³ «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь общеупотребительных слов, с приложением краткой грамматики по наречиям Наманганского уезда» (Казань,

ке. Будучи ученым-любителем, Наливкин быстро завоевывает репутацию человека, который обладает уникальными знаниями о Средней Азии. Он переписывается с известными востоковедами, на его книги пишутся рецензии в академических журналах. В 1886 г. «Очерк быта» удостоивается, по ходатайству известного востоковеда Н.И. Веселовского, Большой золотой медали Русского географического общества. В 1880-х гг. публикуются несколько небольших работ Наливкина по археологии края, а в 1888 г. он избирается членом-сотрудником Императорского Русского археологического общества.

На рубеже столетий административная карьера Наливкина очень быстро набирает обороты. В 1899 г. – при генерал-губернаторе С.М. Духовском – 47-летний Наливкин возвращается в очередной раз на военную службу и становится старшим помощником особых поручений при начальнике края, участвует в работе различных комиссий¹, какое-то время исполняет обязанности дипломатического чиновника. В 1901 г. новый генерал-губернатор Н.А. Иванов назначает Наливкина помощником (заместителем) военного губернатора Ферганской области. Тогда же Наливкин получает чин действительного статского советника (чин 4 класса, который соответствовал военному чину генерал-майора)². В этой роли ему не раз приходится оставаться на должности исполняющего делами военного губернатора. В 1904 г. в результате конфликта с ферганским губернатором Г.А. Арендаренко Наливкин отзывается в Ташкент в распоряжение генерал-губернатора Н.Н. Тевяшова и работает в ряде комиссий³.

В 1890-е и в начале 1900-х гг. исследовательская работа В.П. Наливкина продолжается. Из-под его пера выходит целый ряд статей по исламу: «Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края», «Ислам и закон Моисея», «Что дает среднеазиатская мусульманская школа в общеобразовательном и воспитательном отношениях?», «Положение вакуфного дела

1884); «Краткая история Кокандского ханства» (Казань, 1886); «Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы» (Казань, 1886).

¹ Комиссии о деятельности органов Министерства земледелия, о порядке заведования государственным имуществом в крае, о порядке отчуждения и пользования пастбищными местами.

² Привилегией чина 4 класса было, в частности, обращение «Его Превосходительство».

³ Комиссии по ревизии хозяйства Ташкентской городской управы, по пересмотру действующих по Закаспийской области узаконений.

в Туркестанском крае до и после его завоевания» и др¹. Под его руководством публикуется коллективная статья «Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области с некоторыми указаниями на их историческое прошлое», которая представляла собой первое систематическое обозрение среднеазиатского ислама². В 1898 г. издается «Руководство к практическому изучению сартовского языка», в 1900 г. – «Руководство к практическому изучению персидского языка»³. В 1905 г. Наливкин был избран членом правления Ташкентского отделения Императорского Общества востоковедения.

В 1906 г., при генерал-губернаторе Д.И. Субботиче, 54-летний Наливкин по собственному прошению снова уходит в отставку, читает какое-то время лекции по мусульманскому праву на разного рода курсах, ведет уроки сартовского языка, активно сотрудничает с газетой «Русский Туркестан», которая считалась легальным органом местных социал-демократов⁴. В 1907 г., будучи «популярнейшим человеком в крае»⁵, он избирается от

¹ «Очерк благотворительности у оседлых туземцев Туркестанского края» (Справочная книжка Самаркандской области (СКСО). Вып. 5. Самарканд, 1897); «Ислам и закон Моисея» (СКСО. Вып. 6. Самарканд, 1899); «Что дает среднеазиатская мусульманская школа в общеобразовательном и воспитательном отношениях?» (Туркестанский литературный сборник в пользу прокаженных. СПб., 1900); «Положение вакуфного дела в Туркестанском крае до и после его завоевания» (Ежегодник Ферганской области. Т. 3. 1904).

² Наливкин В.П., Усов Г., Вирский М., Лапин С. А., Вяткин В.Л. Краткий обзор современного состояния и деятельности мусульманского духовенства, разного рода духовных учреждений и учебных заведений туземного населения Самаркандской области с некоторыми указаниями на их историческое прошлое // Сборник материалов по мусульманству. СПб., 1899. Т. 1.

³ «Руководство к практическому изучению сартовского языка» (Самарканд, 1898); «Руководство к практическому изучению персидского языка» (Самарканд, 1900). В рукописи остался «Русско-узбекский словарь», который Наливкин составлял на протяжении всей своей жизни.

⁴ По другой версии, это был печатный орган большевиков (Лукашова Н.М. Научная и просветительская деятельность. С. 39). В действительности Ташкентская группа РСДРП не разделилась на меньшевиков и большевиков, хотя М.В. Морозов, который был редактором «Русского Туркестана» с конца 1905 г. и до своего ареста летом 1906 г., числился сторонником последних. Даже в 1917 г. туркестанские социал-демократы сохраняли организационное единство. Сам Наливкин никогда не выражал своих однозначных симпатий меньшевикам или большевикам, поддерживал отношения со сторонниками обеих фракций, но, возможно, с большей симпатией относился к менее воинственной позиции меньшевистских лидеров.

⁵ Якубовский Ю.О. В.П. Наливкин // Туркестанские ведомости (ТВ). 1907. № 30 (25 февраля / 10 марта).

«нетуземной части» жителей Ташкента депутатом II Государственной Думы, в которой примыкает к социал-демократической фракции¹. После роспуска Думы летом того же года Наливкин возвращается в Ташкент, где власть в наказание за резкие оппозиционные высказывания лишает его пенсии. Большой отрезок его дальнейшей жизни, с 1907 по 1917 г., изучен мало. Отторгнутый властью и элитой, Наливкин, видимо, стал более тесно общаться с разного рода социалистами и с туземной интеллигенцией². В этот период Наливкин продолжает, хотя и не очень активно, заниматься научной деятельностью³: в 1912 г. переиздается «Русско-сартовский и сартовско-русский словарь», в 1912–1913 гг. в газете «Туркестанский курьер» публикуется серия статей под заглавием «Туземцы раньше и теперь», а в 1913 г. выходит в свет книга с тем же названием⁴.

После Февральской революции 1917 г. 65-летний Наливкин становится активным участником преобразований в Туркестане. В марте по поручению общественного Исполнительного комитета (вскоре переименованного в Ташкентский исполком Совета рабочих и крестьянских депутатов) он назначается редактором «Туркестанских ведомостей» и руководителем бывшей «Туркестанской туземной газеты», переименованной в «Наджат» (новым редактором, вместо ушедшего в отставку Н.П. Остроумова, стал джадид Мунаввар-кары Абдурашидханов)⁵. В те-

¹ Котюкова Т.В. Туркестанское направление думской политики России (1905–1917 гг.). М., 2008. С. 66–67, 87–89. К слову, Ленин с подозрением отнесся к этому «переходу от буржуазии к пролетариату», характеризую позицию Наливкина как среднюю между социал-демократами и кадетами (Историография общественных наук в Узбекистане. С. 249).

² По воспоминаниям родственников, в эти годы «веселый когда-то Владимир Петрович» стал раздражительным, «частенько бывал не в духе»; он «решительно порвал многие раньше дорогие для него связи»; возвращаясь после роспуска Думы в Ташкент, он даже не заехал навестить свою престарелую мать, которая сохранила монархические убеждения (Центральный государственный архив Республики Узбекистан (ЦГА РУз). Ф. 2409. Оп. 1. Д. 9. Л. 4).

³ По воспоминаниям родственников, в эти годы Наливкин много занимался физическим трудом у себя на домашнем участке, даже планировал вместе с сыновьями купить землю и полностью посвятить себя сельскому хозяйству (ЦГА РУз. Ф. 2409. Оп. 1. Д. 9. Л. 5, 8–9).

⁴ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. Ташкент, 1913. В своей статье я цитирую по переизданному варианту: Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь // Му-сульманская Средняя Азия: Традиционализм и XX век. М., 2004.

⁵ Наливкин был редактором «Туркестанских ведомостей» около месяца. За это время в газете появилась целая серия его статей: Открытое письмо // ТВ. № 58 (14(27) марта); От редакции // ТВ. № 1 (19 марта (1 апреля)); Рост национализма в жизни современных народов // Там же; Младосарты и женщина // ТВ. № 4

чение двух первых апрельских недель, после отстранения от должности генерал-губернатора А.Н. Куропаткина и до приезда членов Туркестанского комитета Временного правительства во главе с Н.И. Щепкиным, Наливкин является одним из трех комиссаров по гражданскому управлению, к которым переходит бесхозная власть в крае. 19 июля 1917 г. Наливкин по рекомендации Советов и по решению российского премьера А.Ф. Керенского¹ избирается новым председателем Турккомитета, т.е. становится «первым лицом» в Туркестане. 28 июля он приступает к исполнению своих обязанностей. Фигура Наливкина в тот момент олицетворяет собой удачный, как казалось, компромисс между старой царской элитой, с которой он был хорошо знаком, социалистами и туземными лидерами. Он пытается примирить враждующие группировки и выступает в роли посредника между ними. Наливкин «...видоизменил Туркестанский комитет, сделав его коалицией разных партий и политических организаций...»²

12 сентября большевики и их союзники из других радикальных партий заявляют о переходе власти к Советам и создании Революционного комитета. Ими формируется новый состав исполкома Ташкентского совета рабочих и солдатских депутатов, объявляются назначения на ключевые военные должности. Против Ташкентского совета выступают Краевые Советы рабочих и солдатских депутатов, крестьянских депутатов, мусульман и др., которые продолжают сотрудничать с Турккомитетом. Наливкин характеризует действия своих недавних товарищей как мятеж и призывает главу Временного правительства прислать войска для его подавления. Переговоры между враждующими сторонами приводят к заключению 18 сентября соглашения между Турккомитетом и мятежниками, согласно которому взамен на некоторые уступки Наливкин обязуется сообщить Керенскому о мирном решении вопроса. Однако посчитав, что Ревком каким-то обра-

(23 марта (5 апреля)); Все образуется // ТВ. № 16 (12(25) апреля); Socialisme c'est la paix // ТВ. № 17 (13(26) апреля); Открытое письмо к нашим читателям // ТВ. № 22 (18 апреля (1 мая)); Да здравствует равноправие женщин // ТВ. № 26 (23 апреля (5 мая)). Наливкину, судя по стилю, принадлежит и серия анонимных редакционных комментариев.

¹ Наливкин должен был его знать еще с 1890-х гг., когда работал под началом Ф.М. Керенского, отца Александра Федоровича. Возможно, они тесно сотрудничали в 1916 г., когда А.Ф. Керенский приезжал в Туркестан по поручению IV Думы. Идеологическая близость двух этих деятелей – оба были социалистами – была омрачена личным конфликтом между Наливкиным и Ф.М. Керенским (см. ниже).

² Заки Валиди Тоған. Воспоминания. М., 1997. С. 125, 141.

зом нарушил свои обещания, Наливкин это соглашение не выполняет и телеграмму об отзыве войск не отправляет, чем вызывает против себя яростное негодование радикалов. 24 сентября в Ташкент прибывает карательная экспедиция. 27 сентября генеральный комиссар Временного правительства и новый командующий туркестанскими войсками генерал П.А. Коровиченко отстраняет председателя Туркестанского комитета от должности.

В результате всех этих событий Наливкиным остаются недовольны и большевики, и противники большевиков. Уже через месяц ситуация меняется и власть в Ташкенте, как и в Санкт-Петербурге, полностью переходит к Советам. Большевики преследуют Наливкина, «он боялся, что его убьют, сбежал, скрывался»¹. 20 января 1918 г. еще недавно самый популярный человек в Туркестане, которому было неполных 66 лет, рано уходит из своего ташкентского дома и в 9 часов утра выстрелом из револьвера кончает с собой у могилы жены². В предсмертной записке он просит никого не винить в своей смерти и пишет о желании, «чтобы похороны были скромными, пролетарскими и гражданскими»³. Есть свидетельство, что в записке были и следующие слова: «...Я не могу согласиться (с тем), что делается, но быть врагом своего народа... я не могу и уйду из жизни...»⁴ Местная газета написала: «Пришедших отдать покойному последний привет было до обидного мало»⁵.

Блестящая и драматическая фигура В.П. Наливкина вызывает у историков самые разнообразные оценки. Вне какого-либо сомнения остается лишь научная деятельность Наливкина. Его исследования в языкознании, истории, этнографии признавались и признаются до сих пор совершенно уникальными. Безусловно, никто не решается оспаривать мнения В.В. Бартольда, что для

¹ *Заки Валиди Тоған. Воспоминания. С. 129. См., например: Тимаев К. «Допрос» В.П. Наливкина // Туркестанское слово. 1917. № 29 (1 октября). У Наливкина были основания для таких опасений, так как большевики расстреляли Коровиченко.*

² М.В. Наливкина умерла в ноябре 1917 г. Обстоятельства самоубийства говорят о том, что политические неудачи Наливкина тесно переплелись с личными, семейными проблемами и трагедиями. По воспоминаниям родственников, он говорил «с полной убежденностью», что «жизнь его немыслима без Марии Владимировны» (ЦГА РУз. Ф. 2409. Оп. 1. Д. 9. Л. 18). Однако эта сторона жизни Наливкина остается вне рамок настоящей статьи.

³ *Историография общественных наук в Узбекистане. С. 255.*

⁴ *Лукин Б. Еще одна замечательная жизнь // Звезда Востока (ЗВ). 1990. № 9. С. 118, примеч. 15.*

⁵ Там же. С. 118. Могилы Наливкина и его супруги были, по воспоминаниям родственников, уничтожены в 1942 г., на этом месте теперь стоит памятник земле-строителю Л.Н. Исаеву (*Наливкин И.Б. Имя твое – Учитель. Омск, 2001. С. 158*).

своего времени Наливкин – «едва ли не лучший знаток языка и быта сартов из русских»¹.

Другое дело – общественная и политическая деятельность Наливкина. Как писал тот же Бартольд, «...Его дальнейшая жизнь, до его трагической смерти вскоре после революции, представляет обычную в истории русской интеллигенции картину неумения общества использовать исключительные знания и дарования своего члена и неумения самого деятеля найти свой настоящий путь...»². Меж строк бартольдовских рассуждений о судьбе Наливкина читается недоумение по поводу его социалистических увлечений. Любопытно, что в издании 1963 г. бартольдовских трудов В.А. Ромодин комментирует слова российского востоковеда как оценку «с позиций буржуазных», а «...трагедия Наливкина как человека социалистических убеждений и крупного ученого-востоковеда состояла в том, что во время событий 1917 года, будучи комиссаром буржуазного Временного правительства в Туркестане, он оказался в лагере врагов революции...»³.

То, что «буржуазный историк» Бартольд осуждал, у сторонников революции вызывало восхищение. Максим Горький в 1925 г. писал, упоминая в одном ряду Наливкина и миллионера Савву Морозова, что у таких людей «мозги набекрень», но они «настоящие красавцы и праведники»⁴.

Своеобразную оценку Наливкину дал Заки Валиди Тоган, социалист и тюркский (башкирский) националист. В своих «Воспоминаниях» он писал, что познакомился с Наливкиным в 1913 г. в Самаре через Алихана Букейханова, бывшего депутата I Думы из числа казахов и одного из будущих лидеров «Алаш-орды». Заки Валиди Тоган упоминает научные труды Наливкина, в том числе говорит о книге «Туземцы раньше и теперь», «полной чувства любви к туркестанцам». По мнению мемуариста, «...Наливкин был социалист и хороший человек, он верил в право каждого на справедливость...»⁵, но его ошибкой, которая многого стоила

¹Бартольд В.В. История культурной жизни // Бартольд В.В. Сочинения. Т. 2. Ч. 1. М., 1963. С. 305. Исключением является бартольдовская критика по поводу работы «Ислам и закон Моисея», тему которой он назвал «неблагодарной», а выводы «более чем спорными». Любопытно, что Ю.О. Якубовский, говоря об этой работе Наливкина, подчеркивал высказанное в ней уважение к «библейской мудрости» и уважение к еврейской народности (Якубовский Ю.О. В.П. Наливкин // ТВ. 1907, № 33 (2(15) марта)).

²Бартольд В.В. История культурной жизни. С. 305–306.

³Там же. С. 306, примеч. 25.

⁴Историография общественных наук в Узбекистане. С. 251.

⁵Заки Валиди Тоган. Воспоминания. С. 125.

«туркестанской демократии», было стремление наладить сотрудничество с большевиками; «...трагедия этого советского генерал-губернатора, социалиста, оппортуниста не была случайной: мы и потом видели, как большевики возвышали влиятельных оппортунистов, использовали их в своих целях, а потом уничтожали...»¹.

Интерес представляет поворот в оценке колониальной политики Российской империи, который произошел в советской историографии (и идеологии) в начале 1950-х гг., когда была выдвинута концепция «наименьшего зла». Было признано, что наряду с реакционной политикой в Российской империи имело место прогрессивное влияние русской культуры на отсталые окраины, поэтому «зло» империализма меньше, чем, например, «зло» феодализма, отсталости, панисламизма. Проблема теперь заключалась в том, чтобы отделить «реакционность» от «прогрессивности», критерии которых были очень зыбкими и неясными. Эту неблагодарную работу по отношению к Наливкину взял на себя патриарх среднеазиатской историографии Б.В. Лунин. При этом его позиция претерпевала со временем некоторую эволюцию². Попробую проследить эти изменения.

В одной из первых своих книг «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане» (1958) Лунин был жесток и категоричен в оценке (далее везде курсив мой): «...Колебания и сомнения, склонность к демократии “вообще” не привели Наливкина в лагерь подлинных революционеров. Наоборот. Чем дальше, тем больше его... *засасывало болото меньшевизма...*»; будучи «человеком прогрессивных взглядов», он после февральской революции «оказался в числе *агентов буржуазного Временного правительства...*»; «...ход событий окончательно вовлек Наливкина в *лагерь контрреволюции*, и он оставил по себе *самую недобрую память* человека, ведшего *активную вражескую борьбу* против большевиков, против Советской власти. Самоубийство Наливкина явилось логичным завершением его жизненного пути и признанием полного краха *враждебных народу меньшевистских иллюзий...*»³

¹ Заки Валиди Тоған. Воспоминания. С. 129.

² Б.В. Лунин сделал исключительно много для того, чтобы память о деятелях Русского Туркестана жила. В его текстах чувствуется искреннее уважение к В.П. Наливкину. Те идеологические штампы, которые я отмечаю в работах Лунина, – это вынужденная дань эпохе и обстоятельствам, которая несколько не умаляет заслуг историкографа.

³ Лунин Б.В. Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане. Туркестанский кружок любителей археологии (1895–1917 гг.). Ташкент, 1958. С. 93. В еще более ортодоксальной советской традиции Наливкина называли «орудием

В книге «Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении» (1965) Лунин поместил небольшой очерк о В.П. Наливкине в дополнения к примечаниям, снабдив его комментарием о том, что «долг советского историографа – не избегать решения сложных вопросов» и что «назрела необходимость объективной критической оценки жизни и деятельности Наливкина», «ничего не приукрашивая и ничего не умаляя»¹. Наливкин – «яркая, социально особенная сложная и противоречивая фигура, весьма “трудная” в плане историографического очерка о нем». На этот раз Лунин более выразительно подчеркивает личную драму Наливкина: с одной стороны, это человек «явно выраженных» прогрессивных взглядов, с другой – «одиозный» представитель «контрреволюционного лагеря» в 1917 г., «как сочетать одно с другим?»². Историограф перечисляет «положительные» деяния Наливкина – осуждение кровавых расправ Скобелева над мирным коренным населением, уход из армии, сближение с «рядовыми тружениками», работа учителем в первой русско-туземной школе, научная и просветительская деятельность, «смелые, подчас революционного характера выступления», работа в социал-демократической фракции во II Думе. Далее Лунин воспроизводит осуждающие Наливкина фразы из книги 1958 г., но с некоторыми стилистическими изменениями: «...Склонность Наливкина к демократии “вообще” не выдерживала испытания в ходе суровой, не на жизнь, а на смерть, борьбы пролетариата за власть Советов, за торжество социалистической революции...»; «тщетно» он пытался «примирить непримиримое» и своей «вредной соглашательской деятельностью» оставил о себе «самую недобрую память человека, пытавшегося на склоне своих лет стоять на пути рабочего класса и трудящихся Туркестана в их борьбе за победу социалистической революции»³. Выражение «агент Временного

демократического прикрытия для сил реакции и милитаризма» (цит. по: Лукашова Н.М. Научная и просветительская деятельность. С. 44). В.А. Сапегина характеризует деятельность Турккомитета во главе с Наливкиным как «явно контрреволюционную, предательскую политику меньшевистско-эсеровского руководства» (Сапегина В.А. Борьба за создание советского государственного аппарата в Туркестане (февраль 1917 – апрель 1918 гг.). Ташкент, 1956. С. 73. Историк же А. Савицкий, хотя и отметил «свойственную буржуазному интеллигенту непоследовательность» и меньшевизм Наливкина, всячески подчеркивал положительные стороны его деятельности (Савицкий А. Ташкент – один из центров русского востоковедения // ЗВ. 1957. № 5. С. 117–118).

¹ Лунин Б.В. Средняя Азия в дореволюционном и советском востоковедении. Ташкент, 1965. С. 406.

² Там же. С. 405.

³ Там же. С. 406.

правительства» в тексте заменено нейтральным «представитель». Безусловно, Лунин в новой редакции пытался, сохранив ту же идеологическую оценку, не вызывать у читателя однозначно негативного отношения к Наливкину.

В «Историографии общественных наук в Узбекистане» (1974) Лунин еще более смягчил форму своих высказываний о Наливкине. Он по-прежнему говорил о «нечеткости его революционных воззрений», «отсутствии твердой, до конца осознанной идейно-политической платформы», «налете толстовских воззрений», характеризовал позицию Наливкина как «мелкобуржуазную», которая неизбежно затягивает его «в болото контрреволюции», говорил о «вредной соглашательской деятельности» Наливкина в 1917 г., называл его идеи «своеобразно-утопическим социализмом», воспринятыми «сквозь призму взглядов, характерных для либерально-свободолюбивого интеллигента начала XX в.»¹. Но про то, что Наливкин «оставил о себе самую недобрую память», уже ничего не говорилось. Ничего не говорилось и о меньшевизме.

В 1990 г. Лунин написал в популярном ташкентском журнале еще одну статью о Наливкине. Называлась она «Еще одна замечательная жизнь». Начав с того, что историю нельзя рисовать только в мрачных или только радужных тонах, Лунин предложил новую версию рассказа о «несправедливо забытом» Наливкине. Лунин описывает, что «молодой и восторженный офицер» подверг «серьезным и мучительным сомнениям» свою прежнюю веру в «миротворческие действия правительства» и в осуществление «благородной и цивилизаторской миссии “белого царя” и его войск»². К прежнему портрету «прогрессивного» Наливкина Лунин добавляет в этой статье целый ряд новых ярких красок: он дружил с джадидами, защищал местных жителей от несправедливости, боролся с хищениями, незаконными поборами, взяточничеством и т.д. «...Наливкин не был, конечно, революционером... Тем не менее всю свою жизнь он *ненавидел деспотизм*, произвол и беззаконие, подавление человеческой личности, *искренне сочувс-*

¹ Историография общественных наук в Узбекистане. С. 250–251. В литературе того времени встречались также утверждения, что Наливкин «был близок к кругам революционной социал-демократии» и что до 1917 г. он «принадлежал к числу прогрессивно и даже революционно настроенных русских интеллигентов» (Вахидов Х. Просветительская идеология в Туркестане. Ташкент, 1979. С. 26, 27). Разница между определениями «свободолюбивый» и «революционный» была в то время весьма существенной.

² Лунин Б. Еще одна замечательная жизнь. С. 113.

твовал трудовому народу»¹. Лунин повторяет свою характеристику взглядов Наливкина, но без прежнего осуждения, без эпитетов о «мелкобуржуазности» и пр. Рассказывая историю 1917 г., Лунин говорит о попытке Наливкина примирить враждующие стороны, о том, что оказался «между двух огней», о том, что он увидел угрозу со стороны большевиков, но не мог ей противостоять: «...Наливкин проявлял нерешительность, колебания, сомнения...», но это «...не должно омрачить всю его славную жизнь...»².

В последней работе Лунина о Наливкине, которая была опубликована в 2003 г., следы идеологического осуждения исчезают вовсе³. Перед читателями возникает цельный образ защитника угнетенных, противника любого, в том числе большевистского, насилия, человека, достойного «доброй и долгой памяти и уважения».

Хождение в народ?

В советской историографии В.П. Наливкин предстает в качестве социалиста-народника или даже социал-демократа, человека, который, будучи знатоком Востока, не соглашался с властью, был в оппозиции к власти или же, находясь во власти, преследовал гуманные и прогрессивные цели. Примерно то же, если, конечно, убрать ссылки на социализм, писал Н. Найт о В.В. Григорьеве. Замечу, однако, что оценки фигуры Наливкина и его деятельности базируются в основном на документах и трудах, написанных начиная с 1906 г., когда он уже однозначно связал свою судьбу с социалистическим движением. Некоторая эволюция оценок, которая заметна при чтении работ Лунина, была связана с общими идеологическими сдвигами в советской историографии и с изменением отношения к революциям 1917 г. советской ортодоксаль-

¹ Лунин Б. Еще одна замечательная жизнь. С. 115.

² Там же. С. 118.

³ См.: Лунин Б.В. Владимир Наливкин: жизнь, деятельность, судьба // Россия – Узбекистан: в прошлом и настоящем. Люди. События. Размышления. М., 2003. Эта статья была опубликована уже после смерти Б.В. Лунина. Другой современный узбекский историограф, В.А. Германов, называет Наливкина «туркестанским историком-ориенталистом», который стал «жертвой» октябрьского переворота 1917 г., «...внутренне опустошенный, с рухнувшими политическими идеалами, разувверившийся во всем, даже в Боге, Наливкин покончил с собой...» (Германов В.А. Историки Туркестана в условиях политического террора 20–30-х годов. Ташкент, 2000. С. 4).

ной историографии (Лунин образца 1958 и 1965 гг.). Вся судьба Наливкина характеризуется с точки зрения того факта, что в сентябре 1917 г. он вступил в конфликт с туркестанскими большевиками. Отсюда рассуждения о его «толстовстве», «меньшевизме», «мелкобуржуазности» и даже «реакционности». В менее ортодоксальной историографии (Лунин образца 1974 г.) события осени 1917 г. признаются досадной ошибкой, но в то же время подчеркивается прогрессивно-социалистический характер предыдущей деятельности Наливкина, его членство в думской социал-демократической фракции и знакомство с большевиками. И, наконец, в позднесоветской и постсоветской историографической традиции (Лунин образца 1990 г. и лунинская публикация 2003 г.) факт противодействия, пусть непоследовательного, большевикам является не минусом, а плюсом в биографии Наливкина.

Таким образом, на историографических весах, которые измеряли «реакционность» и «прогрессивность», главным фактором был 1917 г. Советские послевоенные историки предъявляли Наливкину одну-единственную претензию – поддержку политики Временного правительства¹. Вся его предыдущая деятельность, в том числе и на самых высоких должностях колониальной администрации, характеризовалась либо положительно, либо нейтрально. Наливкин оказался историографически «запертым» в своих социалистических представлениях второй половины жизни. Эта оценка вольно или невольно экстраполируется и на первую половину его жизни, которая интерпретировалась то ли как неявное сочувствие к социалистическим (народническим) идеям, то ли как детерминированное формирование его социалистических убеждений.

В этом смысле наиболее показательным является объяснение, которое дают исследователи тому эпизоду из биографии Наливкина, когда он сначала (в 1876 г.) ушел с действующей военной службы в военно-народное управление, а потом (в 1878 г.) и вовсе уволился и поселился на несколько лет среди туземцев. Б.В. Лунин характеризует эти годы так: «...Находясь в рядах царских войск, Наливкин был очевидцем расправ с мирным безо-

¹ Поразительно, что социалист Наливкин оказался в советской историографии «реакционером», тогда как туркестанские деятели более «правого» толка (например, «голова» Ташкентской городской думы Н.Г. Маллицкий или губернатор Самаркандской области А.А. Семенов), которые пережили революционные потрясения и поневоле смирились с советской властью, таких обвинений избежали. Безусловно, не будь сентябрьского эпизода в жизни Наливкина, его историографическая судьба сложилась бы совсем иначе.

ружным населением, что глубоко потрясло его. Он принял решение покинуть армию и вскоре получил назначение на должность старшего помощника начальника Наманганского уезда. Под влиянием народнической идеологии “хождения в народ” Наливкин прервал служебную карьеру и вышел в отставку...»¹ Позднее Лунин усиливает эту фразу и пишет о «*явном* [курсив мой. – С. А.] влиянии народнической идеологии “хождения в народ”, проникшей и в среду прогрессивно настроенной части офицерства...»². Не менее определенно пишет Н.М. Лукашова: «..Непосредственные впечатления от туркестанских кампаний сильно подорвали первоначальную веру молодого и восторженного офицера в то, что Россия осуществляет в Средней Азии благородную цивилизаторскую миссию...», «...Видимо, по этой причине в 1876 году Наливкин перешел на службу в Военно-народное управление...»³. Д.Ю. Арапов объясняет этот шаг «серьезным переломом» в воззрениях Наливкина⁴.

Действительно ли переход в военно-народное управление в 1876 г. был протестом против власти, а решение поселиться в 1878 г. в туземном кишлаке – своеобразным «хождением в народ» (которое было популярно среди критически настроенной российской интеллигенции в середине 1870-х гг.)? Действительно ли Наливкин уже тогда был последовательным сторонником социалистов-народников?

Одним из первых сформулировал это предположение в качестве факта один из биографов и хороших знакомых Наливкина – Ю.О. Якубовский⁵. Он писал в 1907 г., сразу после выборов Наливкина в Государственную думу: «...Не избежал В.П. и того увлечения, которому отдавались лучшие люди 60-х и 70-х годов, – хождения в народ. Под влиянием особых условий жизни и службы, молодой блестящий офицер... выходит в отставку... с целью окунуться в самую глубь народной жизни...», «...Он надел сартовский халат, она [жена Наливкина. – С. А.] накрылась чимбетом и паранджой...»⁶ Наливкиным двигал, согласно Якубовскому, принцип «прежде чем учить чему-нибудь народ, надо

¹ Историография общественных наук в Узбекистане. С. 247.

² Лунин Б. Еще одна замечательная жизнь. С. 113.

³ Лукашова Н.М. Научная и просветительская деятельность. С. 39, 40.

⁴ Арапов Д.Ю. Владимир Петрович Наливкин. С. 14.

⁵ Ю.О. Якубовский, отец будущего советского историка А.Ю. Якубовского, принадлежал к числу толстовцев, последователей морально-этического учения Л.Н. Толстого.

⁶ Якубовский Ю.О. В.П. Наливкин // ТВ. 1907. № 30 (25 февраля (10 марта)).

проникнуться его понятиями, научиться его жизни». Время появления этого объяснения говорит само за себя – в 1905–1907 гг. в российском общественном мнении преобладали социалистические и леволиберальные настроения, поэтому биография Наливкина должна была соответствовать ожиданиям «электората».

О 1870-х гг. Наливкин говорит сам в своих воспоминаниях, опубликованных в 1906 г. в социал-демократической газете «Русский Туркестан». В них нет ни слова о «хождении в народ» и картина выглядит гораздо более сложной, хотя, конечно, автор явно выделяет те эпизоды своей биографии, которые доказывают раннюю склонность к оппозиционной мысли. В статье «Мои воспоминания о Скобелеве» Наливкин писал о своем «крайнем милитаризме», которое было воспитано в нем с детства, и о своих сомнениях о пользе войны после того, как молодым офицером ему пришлось столкнуться с ее реалиями. Уже Хивинский поход был «если не ушатом, то, во всяком случае, стаканом очень холодной воды». «...Я возвращался в Ташкент, – вспоминал Наливкин, – в значительной мере разочарованным, но все же милитером...»¹ Наливкин откровенно писал, что новый поход в Коканд привел его в «тревожно-радостное, возбужденное состояние». Но на этот раз иллюзии были окончательно разрушены. Переломным моментом стал эпизод сражения у кишлака Гур-Тюбе, когда будущий герой балканских войн М.Д. Скобелев, под началом которого Наливкин служил, отдал приказ казакам рубить саблями убегающих безоружных мужчин, женщин и детей. Перед глазами Наливкина все следующие 30 лет стоял эпизод из того боя: «...Окровавленный ребенок судорожно вздрогнул и кончился. Сарт [отец. – С. А.] дико-блуждающими расширенными глазами бессмысленно смотрел то на меня, то на ребенка...»² «...Не дай Бог никому пережить такого ужаса, который я пережил в эту минуту... Везде трупы зарубленных или застреленных безоружных мужчин, женщин и детей... Какой ужас! Какой позор!... Думы были невеселые, мрачные, скверные какие-то. Война, моя возлюбленная, которой я грезил, богиня, жрецом которой я хотел быть, стала казаться мне противной... Я понимал... что надо бежать, надо упасать свою душу. Таковы были мои думы тогда, 2-го декабря 1875 года...»³ Наливкин дослужил до окончания Ко-

¹ Наливкин В. Мои воспоминания о Скобелеве // Русский Туркестан (РТ). 1906, № 118 (18 июня).

² Там же. № 119 (20 июня).

³ Там же. № 120 (21 июня).

кандского похода, за проявленную боевую храбрость получил благодарности и награды, а уже в январе 1876 г. подал рапорт о болезни и начал вести переговоры о переходе на службу по военно-народному управлению.

Правда, в книге «Туземцы раньше и теперь», которую Наливкин начал писать в 1905 г., будучи еще на службе, а опубликовал в 1913 г., характеристика этих событий выглядит несколько иначе: «...на самих нас, на выносливую и покладистую русскую душу, все эти и длинный ряд подобных им шероховатостей производили впечатление мелочей, о которых полезнее даже и умалчивать, дабы не вносить диссонанса в общую гармонию горделивого ликования торжествующих русских дружин и их маститых вождей...»¹ Наливкин упоминает эпизод «избиения в Гур-Тюбе безоружных жителей, женщин и детей», но называет это «явлением не особенно частым»². Наливкин оценивает «представителей высших классов», т.е. офицеров, как «относительно добродушных и гуманных», туземцы часто находили у них «...защиту от разного рода насилий, производившихся нижними чинами наших войск...»³. Не отрицая того, что русские солдаты «беспощадно стреляли и кололи штыками», автор книги называет, тем не менее, период завоевания Средней Азии в 1870-е гг. без всякой иронии «героическим».

В текстах, написанных Наливкиным, такие противоречия можно встретить часто. То, что он говорил, будучи чиновником, обращаясь к власти, не всегда соответствовало тому, что он писал, находясь в открытой оппозиции или в опале. Когда он кривил душой – в первом случае, когда аккуратно следовал бюрократическим правилам служебной иерархии, или во втором, когда, подобно своим будущим историографам, пытался переосмыслить и переписать свою прежнюю жизнь?

Об особенностях наливкинского «пацифизма» и его взглядах 1870-х гг. говорит неизвестная историографам лекция, которую отставной штабс-капитан прочитал в марте 1882 г. на военном собрании расквартированного в г. Намангане 7-го Туркестанского линейного батальона. Лекция называлась весьма красноречиво «Жизненное значение войны и войск. Опыт историко-биологический»⁴.

¹ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. С. 57.

² Там же. С. 58.

³ Там же. С. 59.

⁴ ЦГА РУз. Ф. 329. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–15.

Констатировав, что война не является «безусловным добром», Наливкин задает себе и своим слушателям вопрос: «...неужели же война, практиковавшаяся с незапамятных времен в самых разнообразных формах, могла иметь одно лишь отрицательное значение?...» Ссылаясь на авторитеты Дарвина и Спенсера, докладчик пришел к следующему выводу: «...мы беремся утверждать, что война никогда не была и не могла быть результатом проявления одной только вполне свободной воли человека, мы глубоко убеждены в том, что она всегда являлась одним из тех орудий, при помощи которых природа достигала тех или других целей в отношении человечества, что она была одним из важнейших, хотя часто и временных, но зато сильных импульсов, толкавших человечество по пути цивилизации, прогресса...» Жертвы, даже уничтожение целых народов и стран – это неизбежное «очищение» от тех, «...которые в данный момент, стоя на ступени развития, лежащей далеко ниже современного общечеловеческого уровня, занимают такие территории, на которых может и должна проявляться деятельность других, более совершенных, более приспособленных ко времени наций...». Таковы «неумолимые» и «разумные» законы природы, «...разрешающей жить тем только организмам, которые приспособлены к условиям своего времени и которые не мешают, не становятся на дороге более развитых и приспособленных...». «...На первый взгляд все это может показаться слишком жестоким, несправедливым, похожим на самое грубое проявление права сильного, что не вяжется с представлением о нашей общей матери-природе. Но мы позволим себе сделать такой вопрос: что выгоднее для человечества – прежняя ли Америка, населенная охотничьими племенами индейцев и не вносившая ничего почти в общую сумму человеческого благосостояния, или Америка настоящего времени, обогащающая человечество новыми изобретениями, усовершенствованиями и массой продуктов современной человеческой жизни, добываемых теперь на той же самой почве, которая незадолго перед этим ничего этого не производила? Вероятно, каждый отдаст предпочтение настоящему перед прошлым...»¹

Политические ограничения не позволяли Наливкину в том же духе говорить о завоевательной политике России, поэтому он использовал пример Америки. Однако контекст – город Наманган, только 6 лет тому назад завоеванный русскими; бое-

¹ ЦГА РУз. Ф. 329. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–1 об, 3 об, 5 об, 6.

вые офицеры, с оружием в руках совершившие не один поход в Средней Азии; взятие год назад Скобелевым укрепления Геоктепе, тут же ставшее известным по всему миру из-за жестокого убийства сотен мирных туркмен; обострившееся соперничество с Британией на Среднем Востоке – не оставляет сомнения в том, что на самом деле имел в виду Наливкин. Довольно сумбурная смесь всяких идей, в том числе либеральных и народнических¹, которая была в голове начинающего востоковеда-любителя, не только не противоречила империалистической логике, но и непосредственным образом ее формировала.

Существует множество других, более «консервативных» объяснений, помимо пацифистского протеста и «хождения в народ», почему Наливкин захотел покинуть службу в действующей армии, а затем и службу как таковую. Уход в 1876 г. в военное управление мог быть вызван не одной лишь неприязнью к войне, но и только что приобретенным новым семейным статусом, желанием создать семью. В «Моих воспоминаниях о Скобелеве» имеется собственный комментарий Наливкина по поводу мотивов, которые предшествовали отставке 1878 г.: «...Началась кипучая, а для меня лично новая и чрезвычайно интересная деятельность. Надо было вводить основы нашей гражданственности среди чуждого нам и чуждавшегося нас населения. Поэтому являлось необходимым, во-первых, знакомиться с этим населением, с его языком, бытом, и нуждами, а во-вторых, по возможности защищать его интересы, интересы нового русского гражданина и плательщика...»² Увидев во время своей работы в качестве помощника (заместителя) начальника уезда, что «господа, заседающие в этом [областном. – С. А.] правлении, не имеют решительно никакого представления о туземце и его быте», Наливкин пришел к выводу, что «знать надо очень и очень многое для того, чтобы не делать глупостей, за которые народ должен будет платить своей шкурой». И далее: «...Хорошо было бы, думалось тогда мне, выйти на некоторое время [курсив мой. – С. А.] в отставку, надеть халат, уйти в народ

¹ В распоряжении историков нет никаких данных, которые бы позволяли точно судить о характере политических взглядов Наливкина в 1870-е гг. Все оценки этого периода, в том числе оценки самого Наливкина, принадлежат к гораздо более позднему времени. Тем не менее внимательное прочтение лекции 1882 г., в которой автор с пиететом говорит о прогрессе, о принципе «свободы и равенства» и о поземельной общине, все-таки позволяет говорить о либерально-народнических взглядах.

² *Наливкин В. Мои воспоминания о Скобелеве // ПТ. 1906, № 121 (22 июня).*

и близко, близко с ним познакомиться...» В примечании к этой фразе Наливкин добавил: «...Чем дальше, эта мысль крепла во мне все сильнее и сильнее, и мне удалось наконец осуществить ее потом, весной 1878 года...»¹

Несмотря на некоторые народнические аллюзии в этих объяснениях (которые могли быть привнесены автором уже спустя многие годы, либо вызваны романтическими и прогрессистскими настроениями молодого человека), Наливкин, судя по всему, не был в 1876–1878 гг. ни убежденным народником, ни социалистом. Не было никакого протеста или «хождения в народ», по крайней мере в том смысле, как это нередко понималось в советской историографии, – Наливкин не вел подрывную пропаганду среди населения, не пытался возбудить его недовольство против правительства, а занимался исключительно изучением языков, быта и обычаев, сбором рукописей, о чем говорят написанные им в это время статьи и книги. Не было, как я думаю, какого-то «кишлачного уединения» его семьи, едва ли не разрыва отношений с «обществом» (офицерской элитой), превращения русского дворянина в туземца, о чем писали многие историографы, явно окрашивая этот этап жизни Наливкина в романтические краски². Продолжая активно сотрудничать с властью³, он планировал вернуться на военную службу, вооружившись полученными зна-

¹ *Наливкин В.* Мои воспоминания о Скобелеве // РТ. 1906, №121 (22 июня). Похожим образом писал в одной из рецензий на книги Наливкина востоковед Веселовский: «...Чтобы влияние наше на туземцев Средней Азии было благотворно, нам необходимо изучить их быт во всех подробностях, иначе мы не будем в состоянии ни отличить существенное от второстепенного, ни знать, как поступить в том или другом случае, где настойчиво требовать, где делать уступки, не теряя, однако, собственного достоинства и не упуская из виду государственных интересов...» (*Веселовский Н.И.* [Рецензия на книгу] *В. Наливкин и М. Наливкина.* Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы. Казань, 1886 // Записки Восточного отделения Императорского Русского Археологического общества. Т. 1. 1886. СПб., 1887. С. 319).

² В одной своей статье в 1917 г. Наливкин писал, что ему с трудом дается преодоление социальных границ, которые отделяют «общество» (элиту) от низших классов (*Наливкин В.П.* Надо опроститься // ТВ. 1917, № 31 (29 апреля (2 мая)). Впрочем, в 1917 г. Наливкин был отставным генералом, и эти границы были гораздо более труднопроходимыми, нежели 30–40 лет назад.

³ Да и в самой власти были не оппоненты Наливкина, а скорее единомышленники. Например, начальником Наманганского уезда был в эти годы подполковник Платон Владимирович Аверьянов, который сам был, видимо, не чужд либерально-народнических идей, популярных среди образованного класса тогдашней России, и который был в приятельских отношениях с Наливкиным (см.: *Абашин С.Н.* Община в Туркестане в оценках и спорах русских администраторов начала 80-х гг. XIX в. (По материалам Центрального государственного архива Республики Узбекистан) // Сборник Русского исторического общества. Т. 5(153). М., 2002).

ниями для устройства колониального управления и приобщения туземцев к цивилизации. Что и было им сделано в 1884 г.¹

На службе у империи?

Соответствует ли имиджу радикала, социалиста, оппозиционера административная карьера В.П. Наливкина начиная с 1884 и заканчивая 1906 г.? В историографических сочинениях акцент делается, как правило, на «прогрессивной», просветительской стороне деятельности Наливкина в этот период его жизни, а также скрупулезно подсчитываются все конфликты, которые он имел с вышестоящими чиновниками. Все это, как минимум, создает впечатление, что Наливкин был каким-то удивительным исключением, подобно В.В. Григорьеву, в ряду туркестанских чиновников.

Н.В. Лукашова пишет: «...у В.П. Наливкина часто происходили столкновения с администрацией края в лице ее многочисленных представителей. Недостаток материала не дает права делать вывод об оппозиционности В.П. Наливкина власти. Но его перемещения по службе и связанные с ними обстоятельства свидетельствуют о его “неудобности” власти...»² Лукашова перечисляет: уход в 1888 г. с должности заведующего русско-туземной школы был вызван конфликтом с вышестоящим лицом (имени не называет); переезд в 1896 г. в Самарканд произошел из-за личного конфликта с Ф.М. Керенским, главным инспектором училищ Туркестанского края³; возвращение в 1904 г. в Ташкент из Нового Маргелана было итогом развития враждебных отношений со «старым туркестанцем», губернатором Ферганской области и приятелем военного министра Г.А. Арендаренко⁴.

¹ У возвращения на службу были и свои бытовые причины: тяжелое материальное положение семьи Наливкиных, необходимость определения в школу подростков детей.

² Лукашова Н.М. Научная и просветительская деятельность. С. 35.

³ Причиной конфликта был тот факт, что Керенский опубликовал под своим именем доклад, который написал Наливкин (*Керенский Ф. Наши учебные заведения. Медресе Туркестанского края // Журнал Министерства народного просвещения. Т. 2. Отд. 4. 1892*). Об этом конфликте было много разговоров. А.И. Добросмыслов вспоминает, что «атмосфера в то время в учебном ведомстве была ненормальная» (*Добросмыслов А.И. Ташкент в прошлом и настоящем: Исторический очерк. Ташкент, 1912. С. 237–238, примеч. 73*).

⁴ Этот конфликт получил большой резонанс, и о нем было доложено военному министру. Арендаренко писал, что Наливкин неуживчивый, злобный, недисциплинированный чиновник, дерзкий с начальством (*Лукашова Н.М. Научная и*

Сам Наливкин, доказывая свою неуживчивость во взаимоотношениях с начальством, вспоминал о своей небольшой стычке со Скобелевым: осенью 1876 г. он был назначен комиссаром организационной (поземельно-податной) комиссии, в задачу которой входил сбор статистических сведений о населении и описание земель; столкнувшись с отсутствием знаний и возможностей для такой деятельности, Наливкин изложил свои соображения при личной доверительной встрече с военным губернатором Ферганской области, а вскоре с удивлением узнал, что Скобелев выдал все эти соображения за свои собственные; неприятно пораженный и уверенный в своей правоте по существу вопроса, Наливкин вышел из состава комиссии¹.

Существуют ли доказательства, что все эти конфликты носили идеологический, а не служебный характер? Позволял ли Наливкин себе критику начальства, боролся ли с казнокрадством и авторитарным стилем руководства и т.д. – все это не говорит о его оппозиционности или неугодности, если только не предположить, что русская бюрократическая система была изначально порочна и в ней были невозможны в принципе добросовестные, честные люди. Определенная параллель с В.В. Григорьевым, как он описан у Найта, все-таки не дает оснований, вслед за Найтом, утверждать точно, что Наливкин был какой-то «аномалией», исключением, не подтверждающим сайдовское правило.

С точки зрения дискуссий о русском ориентализме гораздо более интересным является анализ взглядов Наливкина в этот период и его практической деятельности по отношению к туземному населению. Это большая тема, которая требует специального и очень подробного исследования и которую трудно осветить в одной статье. Но даже предварительное изучение этого вопроса полностью опровергает устоявшиеся стереотипы относительно Наливкина и скорее заставляет вспомнить те характеристики, которые дал российскому ориентализму (в лице Н.П. Остроумова) Халид в споре с Найтом. Наливкин, безусловно, пример того, как ученый-востоковед предоставляет все свои уникальные знания

просветительская деятельность. С. 37). По словам Г.П. Федорова, который официально расследовал причины конфликта, Арендаренко был не прав, а Наливкин – «несдержан и груб» (Федоров Г.П. Моя служба в Туркестане (1870–1906 года) // Исторический вестник. 1913, № 12. С. 884). Наливкин обвинял Арендаренко в нарушении принципов коллегиальности при принятии решений и взяточничестве.

¹ Наливкин В. Мои воспоминания о Скобелеве // РТ. 1906, № 123 (24 июня). По воспоминаниям же современников, Наливкин был восхищен Скобелевым и даже внешне пытался ему подражать, отпустив расчесанную на две стороны пышную бороду (Лунин Б.В. Владимир Наливкин. С. 296).

о туземном населении Туркестана в распоряжение имперской власти. В качестве эксперта он писал служебные доклады, отчеты, записки, делал переводы важных документов, участвовал в разного рода комиссиях и заседаниях, его назначали на ключевые должности в системе отношений с туземцами¹. Остановлюсь чуть подробнее на двух фактах.

Как я уже говорил, 15 лет после возвращения на государственную службу Наливкин служил в Министерстве народного просвещения. В 1884/85 г. Наливкин становится заведующим первой ташкентской русско-туземной школы («приходское училище для детей туземцев») и одновременно работает в качестве преподавателя сартовского и персидского языков в Туркестанской учительской семинарии, которая готовила учителей для работы с туземцами и переводчиков². В 1886 г. им была составлена первая «Азбука для русско-мусульманских школ оседлого населения Туркестанского края», с помощью которой туземные дети могли обучаться русскому языку; год спустя на сартовском языке была издана «Сокращенная история России»³. С 1886 по 1888 г. Наливкин участвовал в качестве эксперта в развитии и распространении опыта устройства русско-туземных школ в различных регионах края. В августе 1888 г. Наливкин оставил должность в русско-туземной школе. В 1890 г. в Туркестане была учреждена должность 3-го инспектора народных училищ, в чьи исключительные обязанности входил надзор за всеми русско-туземными и – сделаю паузу, чтобы подчеркнуть – мусульманскими школами. Наливкин занял эту должность и проработал в ней до 1896 г., когда должность 3-го инспектора была упразднена. За это время он самым тщательным образом обследовал все мусульманские высшие школы в Туркестанском крае, описал их и предложил развернутый план реформирования. В 1896–1899 гг. Наливкин работает

¹ Будучи помощником при туркестанском генерал-губернаторе и вице-губернатором Ферганской области, Наливкин, разумеется, занимался всеми текущими делами, которые не всегда были прямо связаны с его востоковедческими знаниями. Но в любом случае он оставался одним из наиболее квалифицированных экспертов по «туземному вопросу». Все генерал-губернаторы с 1885 по 1906 г. считали своим долгом обратиться, формально или неформально, к нему за советом.

² В семинарии у него учились будущие известные востоковеды В.Л. Вяткин, П.Е. Кузнецов, М.С. Андреев. Директор семинарии Ю.О. Крачковский писал, что Наливкин инициативен, «аккуратен по службе» и «исполнителен» (Лукашова Н.М. Научная и просветительская деятельность. С. 44).

³ «Сокращенная история России» была опубликована под псевдонимом «Джахангир-Тюря, житель Намангана» («Джахангир» на русский язык можно перевести как «Владимир»).

одним из трех районных инспекторов народных училищ в Самаркандской области, в его подчинение входят как туземные, так и русские школы учебного района.

Таким образом, Наливкин, у которого была заслуженная репутация «лучшего и почти единственного действительного знатока местного края»¹, несколько лет был именно тем человеком, который непосредственно руководил политикой русской власти в сфере туземного образования в масштабах всего Туркестанского генерал-губернаторства. В историографии деятельность Наливкина на этом поприще обычно характеризуется как «просветительская» и «прогрессивная»². Однако саму образовательную политику российской власти историки характеризуют часто как «великодержавно-шовинистическую» и «русификаторскую»³. Причем в этом несколько прямолинейном определении есть, безусловно, доля истины.

Наливкин, рассуждая в книге «Туземцы раньше и теперь» об этом периоде, пишет, что генерал-губернатор Розенбах создал секретную комиссию, чтобы выяснить, какой должна быть русская политика в сфере образования. Комиссия, в составе которой, судя по всему, был и Наливкин, пришла к выводу, что пока туземцы остаются мусульманами «успешная русификация» их невозможна, причем «не может быть даже и разговоров об обращении их в христианство», но, тем не менее, распространение знаний русского языка и общеобразовательных предметов желательно, так как оно послужит «постепенному интеллектуальному сближению с нами туземцев и к устранению предубеждений против нас». Однако, как признается Наливкин, «за спиной этих слов» все-та-

¹ Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае. С. 882.

² Лукашова Н.М. Научная и просветительская деятельность. С. 121–143. Такую же оценку дают К.Е. Бендриков, Б.В. Лунин и др.

³ Исаков Ф. Национальная политика царизма в Туркестане (1867–1917 гг.) Ташкент, 1997. С. 150. См. также другое высказывание этого автора: «...По-настоящему же серьезным средством русификаторской и антимусульманской политики колониальных властей в сфере образования коренного населения Туркестана 80–90-х годов, задействованным при Розенбахе, стали так называемые русско-туземные школы...» (Там же. С. 166). К.Е. Бендриков характеризовал русско-туземные школы как «новый тип школы в условиях обрусительной политики царизма», называл их проявлением «колониального гнета царизма» и «реакционного курса» Александра III, министра внутренних дел Толстого и обер-прокурора Синода Победоносцева (см. Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования в Туркестане (1865–1924 гг.). М., 1960. С. 179–230). Ср. с провокационным высказыванием Саида: «...всякий европеец, в том, что он мог сказать о Востоке, был... расистом, империалистом и почти totally этноцентричным...» (Said E.W. Orientalism. P. 204).

ки стояли «надежды» некоторой части русского общества «...на возможность русификации инородцев путем распространения среди них знаний русского языка...»¹. Наливкин вроде бы не был сторонником такой радикальной точки зрения, но его деятельность в качестве инспектора мусульманских учреждений и русско-туземных школ являлась, вне всякого сомнения, элементом колониальной политики. Будучи едва ли не единственным русским экспертом по мусульманскому образованию, он писал о его догматизме и схоластике, об отсутствии развивающих дисциплин и преподавательских методик, о примитивной организации учебного процесса и т.д.² В качестве администратора Наливкин, следуя своим прогрессистским взглядам, выступал за усиление контроля над мусульманской средней и высшей школой, введение русского языка и светских предметов как обязательных в программу обучения в них и постепенное преобразование мусульманских школ в русско-туземные³. Некоторые его предложения в этой области были даже отвергнуты начальством из-за боязни возможного возмущения мусульман⁴.

¹ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. С. 82. Об образовательной политике у мусульман Волго-Уральского региона см.: Geraci R.P. *Window to the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia*. Ithaca and London: Cornell University Press, 2001. P. 116–157. Политика устройства русско-туземных школ в Туркестане явно перекикалась с политикой устройства русско-татарских школ (Ibid. P. 136–143). Любопытно, что инспектором мусульманского образования в Волго-Уральском регионе был известный востоковед В.В. Радлов. Джераси полагает, что русско-татарские школы, в том числе и в представлении Радлова, являлись скорее инструментом секуляризации и формирования гражданственности, нежели русификации и христианизации (Ibid. P. 157).

² См. Наливкин В.П. Школа у туземцев Средней Азии: Речь, произнесенная на годичном акте Туркестанской учительской семинарии 31 мая 1889 г. Ташкент, 1889.

³ 3-й инспектор писал в своем отчете: «...По всей вероятности, наиболее разумным было бы постепенное преобразование мадраса или по крайней мере главные из них в нечто подобное существующим русско-туземным училищам, но уже не для детей, а для взрослых, при условии возможного расширения учебной программы и введения в нее таких предметов преподавания, которые, отсутствуя ныне в практикуемой обычной программе мадраса, должны быть признаны полезными и необходимыми...» (Цит. по: Лукашова Н.М. Научная и просветительская деятельность. С. 135).

⁴ Я хочу заметить, что планы Наливкина по преобразованию мусульманской школы могли выглядеть в свое время весьма консервативными. Тогда еще продолжало господствовать либеральное убеждение, что ислам сам под натиском прогресса постепенно уступит свои позиции. Легализация мусульманских школ и работа с ними с этой точки зрения казались немыслимой уступкой архаичным представлениям. Этот парадокс хорошо виден в «Воспоминаниях администратора» А.И. Термена. Работая участковым приставом в Самаркандской области в 1899 г., Термен пришел к выводу, что туземцами нужно управлять не «слабыми» русскими законами, а теми законами, «под сенью которых» сложились их нравы и привычки. Ссы-

В этот период своей службы Наливкин активно сотрудничал с выпускниками Казанской духовной академии – Н.П. Остроумовым¹ и М.А. Миропиевым. Последний, характеризуя Наливкина весьма положительно, писал об ошибочности его увольнения с должности 3-го инспектора и отказа от предлагаемых им реформ туземного образования². Тот же Миропиев утверждал, что русские явились в Туркестан «...в качестве пионеров русской цивилизации, проводя в покоренную туземную народную массу разными путями русские взгляды, порядки, обычаи и привычки...», и считал необходимым «перевоспитание души» туземцев, не исключая превращение их в русских и православных³.

В этой связи интерес представляет оценка, которую дал Наливкину историк П.П. Литвинов в книге «Государство и ислам в Русском Туркестане» (1998). Этот автор стоит несколько особняком в современной историографии, и пафос его исследования заключается скорее в том, чтобы защитить русскую колониальную политику в Средней Азии от несправедливых нападок и обвинений во всех смертных грехах. В литвиновском изображении Наливкин превращается в эффективного колонизатора, который благодаря своим знаниям языка, обычаев, психологии, своему опыту и связям среди туземцев сумел добиться снижения антирусских настроений, добиться соблюдения «требуемых от всех подданных» норм уважения к высшей власти, «примирить интересы россий-

ляясь на биологические законы, по аналогии с которыми происходит прогресс в обществе, Термен предлагал использовать ислам и шариат в управлении туземцами, постепенно, через русское образование, меняя местный уклад жизни. Губернатор Самаркандской области, ознакомившись с этими предложениями, сказал: «Я не думал, что Термен такой *ретроград* [курсив мой. – С. А.]. Нам нужно игнорировать шариат, а не подымать его значение» (Термен А.И. Воспоминания администратора. Опыт исследования принципов управления инородцев. Пг., 1914).

¹ Остроумов полностью разделял мнение Наливкина о том, что русская власть должна контролировать мусульманское образование в Туркестане (См.: Остроумов Н.П. Колебания во взглядах на образование туземцев в Туркестанском крае (Хронологическая справка) // Кауфманский сборник, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана I-го. М., 1910). Правда, в своей статье об образовательной политике Остроумов ни слова не говорит о Наливкине, какие-либо личные отношения с которым у него к тому времени совершенно расстроились и окончательно прекратились.

² Миропиев М.А. О положении русских инородцев. СПб., 1901. С. 384. К.Е. Бендриков утверждает, что из-за конфликта с Миропиевым в 1890 г. Наливкин ушел из Туркестанской учительской семинарии. Однако сам Миропиев в своей книге отзываясь о Наливкине исключительно лестно.

³ Там же. С. 489, 492.

ской государственности и мусульманской религиозной школы»¹. Такое мнение вроде бы противоречит словам самого Наливкина, который позднее, в книге «Туземцы раньше и теперь», пишет о профанации образовательной политики русской власти в Туркестане и ее фактическом провале. Однако полное разочарование и переосмысление наступило только в тот момент, когда бывший заведующий всеми мусульманскими и русско-туземными школами оказался в роли радикального оппонента власти. В 1880–1890-е гг. Наливкин вряд ли был так категоричен, и его оценка Литвиновым выглядит вполне уместной.

Не менее интригующей для исследователей является деятельность Наливкина в 1899–1901 гг. на должности старшего помощника особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе. Этот период, как правило, выпадает из историографических обзоров. Ни Лунин, ни Лукашова о нем почти ничего не говорят. Я думаю, дело здесь не только в том, что этот период в жизни Наливкина слишком непродолжительный, а скорее в том, что он совершенно не вписывается в тот портрет закоренелого «народника» и почти революционера, которые оба автора рисуют. Последние публикации на эту тему историка Д.Ю. Арапова проливают свет на деятельность Наливкина в эти годы.

В 1898 г. генерал-губернатора А.Б. Вревского сменил новый начальник Туркестанского края – С. М. Духовской. Эта смена совпала с событием, наложившим отпечаток на все недолгие годы правления Духовского, – Андиганским восстанием, которое произошло под знаменем мусульманского джихада. Многие прежние принципы политики в Туркестане были пересмотрены тогда в сторону ужесточения². Одной из главных задач туркестанского

¹ Литвинов П.П. Государство и ислам в Русском Туркестане (1865–1917) (по архивным материалам). Елец, 1998. С. 122–123, 140–142. Любопытно, что Литвинов называет Наливкина «бывшим “народником”» (Там же. С. 22, 122), отдавая дань прежней историографической традиции и одновременно указывая, что деятельность на должности инспектора мусульманских и русско-туземных училищ «народнической» уже не является. К.Е. Бендриков, который также находился в плену прогрессистского образа Наливкина, тем не менее на свой манер подтвердил выводы Литвинова, отметив, что в некоторых случаях Наливкин позволял себе высказывания «в духе великорусского национализма» (Бендриков К.Е. Очерки по истории народного образования. С. 255).

² По выражению Ф. Исхакова, политика при Духовском стала «беспредельно жестокой» (Исхаков Ф. Национальная политика царизма. С. 174–175). См. также высказывания западных исследователей-советологов: «...Все реформы, осуществленные в правление генерала Духовского, имели целью укрепление русской военной власти...» (Carrere d'Encause H. Organizing and Colonizing the Conquered Territories // Central Asia: 120 years of Russian Rule / E.A. Allworth (Ed.). Durham

генерал-губернатора стало определение отношения власти к исламу. В том же 1898 г. Духовской в «отзыве военному министру» высказался за усиление «надзора» за мусульманскими школами и *вакуфными* имуществами, для чего предлагал создать «Туркестанское духовное правление» во главе с председателем из русских, «знакомых с шариатом, тюркским и персидским языками»¹. Генерал-губернатор не называл имен претендентов на эту должность, но с большой, почти стопроцентной, вероятностью можно утверждать, что речь шла о Наливкине, который считался лучшим знатоком местных языков и шариата, а к тому же был хорошо знаком с мусульманской элитой. Более того, похоже, что первый проект нововведений в исламскую политику составлялся при непосредственном участии Наливкина. Так, намерение усилить контроль за мусульманскими школами и *вакуфами* очень напоминал план реформ, который он составил, будучи 3-м инспектором народных училищ, а тот факт, что Министерство народного просвещения в «отзыве» Духовского не фигурировало, объясняется конфликтом Наливкина с главным инспектором края².

В 1899 г., как уже говорилось выше, Наливкин был назначен старшим чиновником особых поручений при Туркестанском генерал-губернаторе³. В конце 1899 г. им была подготовлена служебная записка «О возможных соотношениях между последними

and London, 1989. P. 170–171). Впрочем, как пишут мемуаристы, действительным инициатором ужесточения туркестанской политики был не тяжело больной Духовской, а его начальник – военный министр А.Н. Куропаткин, в недавнем прошлом военный губернатор Закаспийской области (см. Федоров Г.П. Моя служба в Туркестане).

¹ Арапов Д.Ю., Васильев Д.В. Проекты устройства Управления духовными делами мусульман в Туркестане. Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005. № 1. С. 153.

² В 1899 г. планы реформ исламской политики в Туркестане несколько трансформировались. В докладе С.М. Духовского «Ислам в Туркестане» и проектах специально созданной комиссии (куда Наливкин не входил!) уже не говорилось о создании «духовного управления» и необходимости жестко контролировать мусульманские школы и вакуфы («Ислам в Туркестане» 1899 г.: Доклад генерала С.М. Духовского // Мусульманская Средняя Азия: Традиционализм и XX век. М., 2004; Арапов Д.Ю., Васильев Д.В. Проекты устройства Управления духовными делами мусульман в Туркестане: Документы Архива внешней политики Российской империи. 1900 г. // Исторический архив. 2005, № 1). Но даже эта программа была встречена прохладно со стороны центрального правительства и была раскритикована за излишнюю и неоправданную исламофобию (Записка С.Ю. Витте по «мусульманскому вопросу» 1900 г. (публикация Д.Ю. Арапова) // Сборник Русского исторического общества. Т. 7(155). М., 2003. С. 198–209).

³ Возможно, к новому назначению Наливкина «приложил руку» помощник (заместитель) генерал-губернатора Н.А. Иванов, который когда-то – в 1884 г. – в качестве губернатора Ферганской области уже был начальником Наливкина. Иванов,

событиями в Китае и усилением панисламистского движения»¹. Записка имела широкое хождение в коридорах российской власти. Что же предлагал царский администратор? Говоря о «пробуждении», под влиянием европейцев, мусульманского мира, Наливкин указывал: «...мусульманская культура, оставаясь мусульманской, никогда не может не только ассимилироваться, но и даже вполне примириться со всем вообще укладом жизни европейских народов...», а значит, по мере «все большего и большего насаждения на них европейской культуры» у мусульман появляется все «более и более сильное желание сбросить с себя это ненавистное для них иго». Наливкин пугал высокопоставленных читателей столкновением «нас» («христианских народов») с «полудиким и фанатичным мусульманством», страшным «газаватом» против «европейской цивилизации», который «неизбежно вспыхнет», как только панисламизм объединится и окрепнет: «...Мы, несомненно, должны спокойно и обдуманно ждать общемусульманского газавата, наиболее тяжелая часть борьбы с которым выпадет, конечно, на долю России в силу особенностей ее географического положения...» И далее Наливкин делал вывод: «...прежде всего нельзя не признать безусловно желательными скорейшей постройки железной дороги от Оренбурга до Ташкента и постоянного нахождения в Туркестанском крае такого количества войск, которое могло бы быть достаточным на тот случай, если бы одновременно с открытием военных действий на южной и восточной границах края вспыхнули беспорядки среди местного мусульманского населения...» В этой записке можно увидеть очень консервативного деятеля, защитника устоев империи, почти реакционера.

Итак, в 1880–1890-е гг. Наливкин максимально приблизился к тем центрам, где вырабатывалась политика управления Туркестанским краем, и мог влиять на эту политику. При этом, что выглядит парадоксальным, но вполне закономерным, востребованность Наливкина с его прогрессистской и даже либерально-народнической позицией и хорошим знанием местных реалий совпала с ужесточением колониального режима. Изучая на протяжении многих лет роль ислама в жизни туркестанских туземцев, Наливкин пришел к выводу, что религия и «духовенство» оказывают негативное влияние на местное общество, сдерживая его

по словам мемуариста Г.П. Федорова, был «фактическим начальником края» во время правления Духовского (Федоров Г.П. *Моя служба в Туркестане*. С. 870).

¹ В.П. Наливкин: «Нам необходимо всегда памятовать о грозящей опасности» (Публикация Д.Ю. Арапова) // Военно-исторический журнал. 2002. № 6.

развитие. Такая оценка лучшего знатока туземного быта полностью совпадала с провозглашенной Духовским новой политикой противодействия исламу.

Зададимся вопросом: подпадает ли деятельность Наливкина в колониальной администрации в Туркестанском генерал-губернаторстве под саидовское определение «ориентализма»? Отвечу словами его современника – Ю.О. Якубовского, который в своем панегирическом очерке о Наливкине писал: «...Его, без преувеличения, можно назвать одним из настоящих завоевателей Туркестана. Этому завоеванию, замирению и устройению он способствовал не столько оружием, сколько пером и тесным общением с туземцами, изучая среди них язык, быт и историю края, и этим он сделал больше, чем то, что могли сделать пушки и пролитая кровь...»¹

Кризис ориентализма?

Что же случилось с Наливкиным в 1906–1907 гг.? Как считает Д.Ю. Арапов, он «резко ушел “влево”»². Почему это произошло? Как иначе сформулировал этот вопрос «старый туркестанец» Г.П. Федоров, лично знавший Наливкина, «как он мог оставаться вице-губернатором [в Ферганской области в 1901–1904 гг. – С. А.], будучи социалистом, или по каким соображениям он мог променять красную подкладку на красную гвоздику?»³. Федоров – и, видимо, многие бывшие сослуживцы Наливкина – был искренне поражен, что «этот добродушный, благожелательный человек, этот всегда аккуратный и исполнительный чиновник, этот *лояльный* [курсив мой. – С. А.] гражданин» вдруг стал социал-демократом, противником и яростным критиком власти⁴.

Налицо кризис, который произошел в политических взглядах Наливкина⁵. Какими были его проявления?

¹ Якубовский Ю.О. В.П. Наливкин // ТВ. 1907. № 30 (25 февраля (10 марта)).

² «Ислам в Туркестане» 1899 г. С. 240.

³ Федоров Г.П. Моя служба в Туркестанском крае. С. 884. Атласная красная подкладка для шинели была знаком принадлежности к генеральскому чину.

⁴ Там же. С. 884.

⁵ О кризисе ориентализма в Туркестане в начале XX в. говорят и другие факты. Например, в 1905 г. власти прекратили деятельность недавно образованного Ташкентского отделения Общества востоковедения, опасаясь, видимо, прогрессистских настроений его членов, в числе которых был и Наливкин (см. Лунин Б.В. Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX – начало

Наливкин с большим воодушевлением принял перемены 1905 г. и активно включился в политическую жизнь. В июне 1906 г. не пожилой еще генерал по собственному прошению ушел в отставку. В 1907 г., как я уже упоминал, он стал депутатом «левой» II Государственной Думы и примкнул к радикальной и довольно многочисленной фракции социал-демократов. В своих предвыборных выступлениях Наливкин был весьма категоричен: «...Я – дворянин и поэтому иду в Думу для того, чтобы отречься от своего дворянства. Россия должна стать демократическим государством, служащим народу, не сословиям и кастам. Я – солдат и иду в Думу, чтобы приняться за *прежнее свое дело – войну, войну* с теми, кто давит и гнет народ, *войну* за народное благо и народную свободу...»¹ Правда, добавляя при этом, что «...война, какова бы она ни была, есть самое ужасное и отвратительное явление в жизни людей...»². Газеты того времени называли Наливкина «старым оппозиционером местной администрации» и «крайним левым»³.

II Государственная Дума просуществовала недолго и уже 3 июня 1907 г. была распущена Николаем II. Однако Наливкин успел публично выступить на одном из ее заседаний с крайне резкой, левой речью о российском правосудии⁴. Это выступление удивило и разочаровало многих туркестанцев. Как писал Бартольд, «...вместо того, чтобы воспользоваться своим исключительным знанием Туркестана на благо этого края, [Наливкин] произнес ничем не оправдываемую оскорбительную речь против русских судебных деятелей...»⁵. От Наливкина ждали, что он попытается обратить общественное мнение на проблемы Русского

XX в. Ташкент, 1962. С. 143). Туркестанский вице-губернатор Е.О. Мацневский писал: «...Общество должно изучать Восток не для Востока и науки, а для слияния народностей с Россией – обрусения...» (цит. по: *Савицкий А.* Ташкент – один из центров. С. 119). Анализируя отношение к исламу и исламскому образованию в России, Р. Джераси пишет о «интеллектуальном тупике» русского ориентализма в начале XX в. (*Geraci R.* Russian Orientalism at the Impasse: Tsarist Education Policy and the 1910 Conference on Islam // *Russia's Orient: Imperial Borderlands and Peoples, 1700–1917* / D.R. Brower, E.J. Lazzarini (Ed.). Bloomington: Indiana University Press, 1997. P. 138–161).

¹ Историография общественных наук в Узбекистане. С. 248.

² *Лукашова Н.М.* Научная и просветительская деятельность. С. 40.

³ Там же. С. 39.

⁴ Наливкин работал в составе комиссий по запросам, по местному управлению и самоуправлению, в комиссии по выработке закона об отмене военно-полевых судов и др.

⁵ *Бартольд В.В.* История культурной жизни. С. 306. Похожую оценку дали выступлению Наливкина Н.П. Остроумов и Г.П. Федоров в своих воспоминаниях (*Лукашова Н.М.* Научная и просветительская деятельность. С. 14–15).

Востока, а он сам как будто о Востоке забыл. Логика поведения одного из самых известных востоковедов и туркестанцев явно противоречила ориенталистскому взгляду!

Свои изменившиеся убеждения Наливкин сформулировал в неопубликованной рукописи «Мое мировоззрение», которая датируется 1908 г.¹ Анализируя ее содержание, Лунин писал: «...На первый взгляд читателя подкупают некоторые места рукописи... говорящие о вступлении человечества в “фабричный период”, о приближении эры социализма, которая “освободит человека от рабства у «золотого тельца», у кумира собственности” и т.п. На самом же деле рукопись оказывается густо пропитанной идеологией толстовства, и ход рассуждений Наливкина сводится в основном лишь к мечтам о некоем расцвете “свободного индивидуализма”, об отказе людей от “имущества, которым они могут не обладать”, от следования “стезей наживы”, об их переходе к праведной жизни по принципу “все мое ношу с собой”, ибо всякое лишнее имущество “отнято или украдено у неимущих”, к рассуждениям о “преступлении и наказании” в духе философии “непротivления злу”, к абстрактной вере в торжество “добра и справедливости” и т.д.»²

«Мое мировоззрение», которое, кстати, развивает и продолжает многие темы лекции 1882 г., действительно производит странное впечатление. Исходя из тезиса о том, что «мировая материя проникнута мировой силой, мировой энергией, являющей собой основное свойство этой материи», Наливкин выстраивает довольную сложную цепочку умозаключений, которая должна объяснить тотальность и беспристрастность законов природы, с одной стороны, и необходимость-неизбежность вполне определенных социальных порядков и нравственных установлений – с другой. Подробные морализаторские рассуждения на самые разнообразные темы (о чистоплотности, умеренности, трудолюбии, аскетизме и пр.) легко уживаются с утверждением, что «каждое добро, будучи всегда относительным и условным, приводит в конце концов к относительному же злу, и наоборот». Доказывая закономерное вступление человечества в эпоху социализма, автор в то же время обращается к себе: «...Не отдавай резкого предпочтения никакому учению, никакой теории, никакой религии. Все они

¹ Орывки из этой рукописи были опубликованы в серии статей в 1917 г.: Надо опроститься // ТВ. 1917, № 31 (29 апреля (2 мая)); Буржуазия и революция // ТВ. № 35 (4(16) мая); Алчность // ТВ. 1917, № 81 (2(15) июля); Знание // ТВ. 1917, № 95 (19 июля (1 августа)); Без заглавия // ТВ. 1917, № 102 (27 июля (9 августа)).

² Историография общественных наук в Узбекистане. С. 251.

вышли из рук человека, все они не более как преходящие формы, а потому все они, в целом, а не в обломках, чем старше, тем сильнее распространяют яд трупного разложения...» Провозглашая свои оппозиционные политические предпочтения, он призывает: «...не будь рабом идеи или учения. Поэтому не принадлежи ни к какой секте, ни к политической, ни к религиозной, ибо каждая секта есть религия, а каждая религия есть секта, а сектанство развивает в человеке фанатизм, омрачающий его рассудок...» «...Ничем не дорожа, ни пред чем не преклоняясь и ничего не превознося, – пишет Наливкин, – человек получает возможность ничего особенно упорно и страстно не желать, ничем особенно не огорчаться и ничему особенно не радоваться, что, в свою очередь, открывает пред ним новый горизонт личной, ни для кого не опасной, никому не вредящей свободы...»¹ Наливкинский социализм нес на себе отпечаток не столько толстовства, как утверждает Лунин², сколько модного в свое время ницшеанства.

В этих отвлеченных рассуждениях заложены и те принципы, которые стали определять новый взгляд Наливкина на имперскую политику. Один из таких принципов, например, гласит: «...культурный человек не совершеннее некультурного, а лишь более последнего приспособлен к условиям переживаемого им культурного времени... Равным образом и сама культурность не совершеннее и не лучше некультурности, ибо и та, и другая являются собой не более как результат воздействия совокупности всех условий культурного и некультурного времени, разных эпох существования человечества, подобных эпохам геологическим, из коих ни одна ни лучше, ни хуже другой...»³ Эволюционистская аргументация, основанная на фатальности происходящих перемен и безразличии к конкретным формам культуры, приводит к заключению, что все эти культурные формы равноправны и одинаково преходящи. За чем следует отрицание отношений соподчиненности между разными культурами.

Непосредственно к теме имперской политики Наливкин обратился в серии статей, опубликованных в «Русском Туркестане» в

¹ ЦГА РУз. Ф. 2409. Оп. 1. Д. 2. Л. 1, 21, 53, 54, 73 и др. Наливкин писал об «обязанности жить», поэтому самоубийство в 1918 г. было, видимо, для него не просто актом отчаяния, а сознательным отказом от своих метафизических представлений, которые он пронес через всю жизнь.

² Используя идеи Л.Н. Толстого об «опрощении» и «непротивлении», Наливкин признавался в одной из своих статей, что не является поклонником писателя. Это, впрочем, не мешало ему поддерживать дружеские отношения с туркестанскими толстовцами – Ю.О. Якубовским, К.Л. Блиновым и др.

³ ЦГА РУз. Ф. 2409. Оп. 1. Д. 2. Л. 60, 61.

июне–июле 1906 г., некоторые из них я уже упоминал ранее. Эти статьи, как и сочинение «Мое мировоззрение», возвращают нас к лекции, прочитанной 30 лет тому назад на военном собрании в г. Намангане¹. И не только потому, что в них изложены воспоминания о 1870-х гг., но и потому, что главной темой публикаций стала опять война и войска. В 1906 г., имея перед глазами унижительный опыт Русско-японской войны, который, судя по всему, он оценивал очень резко и болезненно, социалист Наливкин полностью переосмысливает и меняет свои прежние убеждения начала 1880-х гг.

В статье «Несколько слов о завоевательной политике» отставной генерал пишет: «...ныне никаких оправданий этих нападений [завоевательных войн. – С. А.] нет и не может быть, невзирая на разглагольствования дипломатов о культурных, якобы, миссиях народов, разбойничающих, но считающих себя все-таки культурными...»² Автор повторяет свои рассуждения о политической смерти и исчезновении отдельных народов из-за «крайней некультурности» и «недостаточной наследственной культуроспособности», но уточняет их: «...народы, создавшие раньше относительно высокие цивилизации и затем отошедшие ко сну, к состоянию необходимого для них покоя, отдохнув в достаточной мере и пробуждаясь постепенно, всегда в большей или меньшей мере имеют шансы на новый период бодрствования, на новый период культурной жизни, ибо внутри себя они носят уже наследственные потенциальные задатки культурной жизнеспособности...»³ Дальше – больше. Наливкин раскритиковал «европейскую цивилизацию» за построение здания, которое поражает своей «вычурностью» и «неконструктивностью»,

¹ Мои воспоминания о Скобелеве // РТ. 1906. № 118 (18 июня), 119 (20 июня), 120 (21 июня), 121 (22 июня), 123 (24 июня); Из казачьего и неказачьего прошлого // РТ. 1906. № 137 (12 июля), 138 (13 июля), 139 (14 июля), 140 (15 июля); Несколько слов о завоевательной политике // РТ. 1906. № 144 (20 июля), 146 (22 июля).

² *Наливкин В.П.* Несколько слов о завоевательной политике // РТ. 1906. № 144 (20 июля).

³ Там же. В лекции 1882 г. тоже много говорилось о казачестве. Тогда Наливкин говорил, что казачество «помимо своей собственной воли» строило «фундамент тех... явлений и принципов, которые готовились для жизни будущих поколений», имея в виду идеи равенства и братства, а также принципы поземельной общины (ЦГА РУз. Ф. 329. Оп. 1. Д. 5. Л. 13–14а). В статье «Из казачьего и неказачьего прошлого» Наливкин повторяет эту мысль: «...Сечь [запорожская. – С. А.] была военной социал-демократической республикой...», но затем объясняет причины, по которым казачество ушло от этих идеалов (*Наливкин В.П.* Из казачьего и неказачьего прошлого // РТ. 1906. № 137 (12 июля), 138 (13 июля), 139 (14 июля), 140 (15 июля)).

«алчной погоней за внешним блеском», которая ведет к «нравственной распущенности», к «истощению нравственной, нервной силы». По мнению автора, Европа ворвалась в мир Востока, стала «бесцеремонно будить и тормошить», «нагло требуя отвечать на бесконечные вопросы», стала силой насаждать европейскую культуру, что привело к «озлоблению» мусульманского Востока против европейской цивилизации и неизбежному «тяжкому реваншу» под знаком «могучего и жизнеспособного ислама». «...Мусульманство... не замедлит выдвинуть из своих недр то или другое подобие Японии...»¹

Наливкин повторяет почти один к одному все свои тезисы, изложенные в записке 1899 г., но вывод делает абсолютно противоположный – европейская цивилизация должна отступить, отказаться от своей мессианской идеологии, признать другие цивилизации равноправными себе, направить свою энергию на собственную внутреннюю трансформацию. По форме это все еще ориентализм, который апеллирует к «Европе» и «Востоку» как отдельным мирам и использует имперские метафоры «сна» и «пробуждения». По содержанию же это попытка по-новому интерпретировать взаимоотношения «Европы» и «Востока», направить взгляд с границ «европейской цивилизации» на его центр².

Итак, генерал и активный деятель имперской власти становится социалистом, чье мировоззрение представляет собой довольно хаотическую смесь либерально-социалистических и ницшеанско-толстовских идей. Переосмыслил ли Наливкин свое представление о роли России в Средней Азии?

¹ Наливкин В.П. Несколько слов о завоевательной политике // РТ. 1906. № 146 (22 июля)

² Такое изменение фокуса очень ярко отражено в произведении «Мое мировоззрение» и в серии морализаторских статей, которые Наливкин опубликовал в газете «Туркестанские ведомости» после февральской революции. В них он выступил с критикой интеллигенции и правящего класса, государства и общественного строя. Причем эта критика была обращена автором в первую очередь на самого себя. В статье «Надо опроститься» Наливкин писал: «...но я-то, я сам, стою ли я на ступени достаточной нравственной высоты, достаточной политической зрелости и достаточной человечности для того, чтобы с честью носить высокое звание гражданина великой, передовой демократической республики...» Наливкин признавался: «...Я теряюсь, мечусь из стороны в сторону, не знаю как примирить... противоречия переживаемого нами бурного, переходного периода... внутри что-то сосет, не дает покоя...» В статье «Без заглавия», опубликованной накануне вступления в должность председателя Турккомитета, Наливкин с фатальной обреченностью смертника, понимающего, что не может найти выхода из внутренних конфликтов, писал: «...будет то, что неизбежно должно быть; и то, что неизбежно должно быть, уже не может не быть...»

Я уже упомянул вышедшую в 1913 г. книгу «Туземцы раньше и теперь». Написана она была, по словам автора, в первой половине 1905 г., т.е. до появления Манифеста Николая II, по просьбе туркестанского генерал-губернатора Н.Н. Тевяшова и представляла собой первоначально своего рода обращение к царскому чиновнику. В тексте книги можно обнаружить самые разные ипостаси Наливкина.

Наливкин-колонизатор отмечает положительные результаты русского завоевания – прекращение междоусобиц и водворение относительного порядка, ознакомление туземцев с основами русской «гражданственности и культуры». Наливкин упоминает почту и телеграф, которые производили «неотразимое впечатление», казначейства и банки, суд, введение выборного начала и реорганизацию податного дела, повышение материального достатка населения, развитие экономики, освобождение от древнего домостроя, возможность ездить по миру. Все это пробило брешь в стене, отделявшую «полусонный, замкнутый мирок от неугомонно-шумного мира европейской цивилизации»¹. В этой части рассуждений прочитываются ориенталистские представления. Но Наливкин-социалист идет дальше – он показывает и негативную сторону. Мужчины шли в «открывшиеся нами питейные заведения» и спивались там, женщины «охотно шли на содержание к русским»². В этом автор видел не саму «свободу», а ликование «раба, почуявшего свободу». Наливкин пишет о взяточничестве и продажности русских чиновников, в том числе самых высокопоставленных, об «этнографическом завоевании» (т.е. переселении русских), которое превратилось в насильственное отбирание земли у туземцев. Наливкин говорит и о продажности народного суда, и утрате авторитета русского суда, о возрастании повинностей.

Наливкин-колонизатор откровенно пишет о попытке «возможно широкого распространения среди туземцев знаний русского языка, русской грамоты и др. предметов нашего школьного преподавания», за которой прятались «смутные и тщательно маскировавшиеся негласные надежды на возможность русификации туземного населения»³. «Большинство интеллигентных русских людей» были «искренне убеждены» в необходимости распространения знаний государственного языка среди «инородцев» и вери-

¹ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. С. 72.

² Там же. С. 72.

³ Там же. С. 81.

ли, что русификация туземцев вполне возможна. Наливкин-социалист признается, что «нравственные» результаты «практики» русско-туземных школ были «очень скверные»¹.

Наливкин-социалист беспощадно критикует имперскую практику и расхожие «знания» о туземцах. Русские, по его мнению, не хотели ничего знать о жизни местного населения, не изучали их языки, «пытались в своих канцеляриях решить административное уравнение с тысячью неизвестных»², довольствуясь «противоречивыми восклицаниями» «самозванных знатоков»³; «...мы постепенно привыкли к нему, привыкли думать, что все-таки кое-что знаем и смыслим... и чем дальше, тем все больше и больше запутывались в хаосе, возникшем на почве наших собственных – невежества, малой культурности и сомнения...»⁴. Наливкин-социалист видит и «другую сторону». Он пытается анализировать, какие представления о русских были у туземцев, как туземцы изучали русских. Наливкин вновь, как и в записке 1899 г. (повторяя ее отдельными кусками), говорит о «пробуждении» панисламизма, который, «протирая глаза после многовековой спячки», собирается противостоять «христианской (европейской) культуре». Однако в отличие от той своей записки, в которой он предлагал после Андижанского восстания 1898 г. увеличить количество войск в Туркестане, Наливкин пишет: «...Мы много говорили и писали об идущих и не идущих к делу вещах: о косности туземцев; о мусульманском фанатизме; о происках Англии и Турции; о панисламизме; о неблагодарности туземцев, якобы облагодетельствованных Россией; о чрезмерном, якобы, увеличении народного благосостояния, дающего возможность туземцам заниматься не общепольными делами, а разными глупостями; о необходимости держать туземное население в ежовых рукавицах, и т.д. Мы договорились и дописались даже до таких нелепостей, как необходимость время от времени, периодически, проходить по краю с огнем и мечом, дабы производить на полудиких азиатов должное впечатление...»⁵ Главная, «наиболее существенная» же причина восстания – «тяжкие, хронические недуги нашей официальной жизни»⁶.

¹ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. С. 85–87.

² Там же. С. 60.

³ Там же. С. 61.

⁴ Там же. С. 62.

⁵ Там же. С. 102.

⁶ Там же. С. 102–103.

Совершенно новая мысль Наливкина-социалиста: главное в преобразовании «туземного» мира – преобразовать самих себя! Наливкин не стесняется писать: «...Таким образом, отрешившись от наших обыденных, иногда несколько узких и не совсем правильных взглядов на способ оценки чуждых и несвойственных нам форм общественной и иной жизни, мы должны будем признать, что ко времени завоевания нами Туркестанского края туземное, сартовское общество стояло уже на относительно высокой ступени общественности и культурности...»; Наливкин увидел в этом обществе свои «идеалы» и даже элементы «либерализма»¹, по его мнению, во многих отношениях «эти полудикие азиаты» были «неизмеримо культурнее нашего народа»². Чтобы выйти из тупика взаимного недоверия и отчуждения, Наливкин-социалист предлагает «забыть старые счеты» и «дружно, весело, рука об руку идти далее по широкому пути общечеловеческого прогресса и общечеловеческого единения»³.

Весь ход рассуждений в книге «Туземцы раньше и теперь» основан, вне всякого сомнения, на антиориенталистской логике, хотя, конечно, в авторском словаре все еще сохраняется ориенталистская лексика. Последняя большая работа Наливкина – это признание *кризиса ориентализма*, т.е. признание того, что попытки обрусения туземцев, в смысле привития им русской (европейской?) культуры и русской гражданственности, потерпели неудачу.

Наливкин-социалист пытается перекодировать прежнюю ориенталистскую оппозицию «Европа / мусульманский Восток» в новую, антиориенталистскую оппозицию «эксплуататоры / пролетарии», видя в ней и подлинную причину конфликтов, и способ решения проблем. В 1906 г. в «Русском Туркестане» он опубликовал статью «Туземный пролетариат», которая еще раз

¹ Наливкин В.П. Туземцы раньше и теперь. С. 44.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 23, 107. В одной из своих статей, которая была, видимо, одним из набросков «Туземцев», Наливкин расшифровывал, что «рука об руку» с «освобождающейся Россией» пойдут «наиболее сознательные туземцы», знакомые «с существом идей социализма» (Наливкин Н. Роль религии и духовенства в жизни туземного мусульманского населения // Туркестан. 1906. № 28 (30 сентября)); начало статьи – в ТВ. 1906. № 27 (29 сентября). В статьях 1917 г. он писал не только о религии, но и о национализме, видя в нем новую преграду для «скорейшего объединения народов в единую общечеловеческую семью» (см. «Открытое письмо», «Рост национализма в жизни современных народов» и др.). Любопытно, что, по воспоминаниям родственников, Наливкин, еще будучи на службе, «по убеждению или по обязанности посещал церковь» (ЦГА РУз. Ф. 2409. Оп. 1. Д. 9. Л. 7).

увидела свет в 1917 г. – в «Туркестанских ведомостях»¹. Туземный пролетариат («...Туземная беднота! Имя тебе легион...»), согласно Наливкину, – это отдельная социальная общность, не равная туземцам вообще², и именно она должна «играть немаловажную роль в грядущей жизни края»³. Завершает статью Наливкин пожеланием русским социалистам помочь туземному пролетариату с пока «недостаточно проясненным» сознанием «проснуться»⁴. Нетрудно заметить, что автор по-прежнему пользуется ориенталистской риторикой и воспроизводит прежнюю схему патронажа передовой русской культуры (социалистов) над отсталыми окраинами («непроснувшиеся» пролетарии). Но это уже вовсе не тот ориентализм, который оставлял за собой исключительное право говорить о «Востоке» и от имени «Востока», а антиориенталистская модификация ориентализма, которая предполагает объединение интересов русских социалистов и туземных пролетариев, их общую идентичность⁵.

* * *

Необычная судьба Наливкина – вовсе не исключение в истории Русского Туркестана. Данный случай нельзя назвать «аномал

¹Наливкин В.П. Туземный пролетариат // РТ. 1906. № 162 (10 августа), 163 (11 августа), 165 (13 августа), 170 (20 августа), 173 (24 августа); Наливкин В.П. Туземный пролетариат // ТВ. 1917. № 40 (11(24) мая), 41 (13(25) мая), 44 (18(31) мая), 50 (26 мая (8 июня)), 55 (1(14) июня), 62 (9(22) июня), 72 (21 июня (4 июля)).

²Наливкин использует набор популярных в начале XX в. социалистических штампов, превозносящих пролетарскую мораль: беднота любит детей, много терпит и прощает, любит труд и землю, любит человека вообще, она добродушна и незлоблива. Автор не просто дает этнографическое описание туземного пролетариата, но и воспеваает его, повторяя М. Горького, который, кстати, тоже использовал в своем творчестве ницшеанские мотивы. Горьковский призыв «имя тебе – человек» завершает статью в редакции 1906 г. Там же Наливкин отдает дань модной в начале столетия идее родства социализма и христианства, называя Иисуса Христа «величайшим из пролетариев».

³Наливкин В.П. Туземный пролетариат // ТВ. 1917. № 40 (11(24) мая).

⁴Там же. № 72 (21 июня (4 июля)).

⁵Эту схему Наливкин повторяет, говоря об отношениях «общества» (элиты) и «народа». В статье «Надо опроститься» в 1917 г., выискивая в своем «нутре» остатки политических и социальных предрассудков, Наливкин призывал «...смешаться с народом, научиться у него жить по простоте, не гнушаться никаким трудом в поте лица, есть трудом добытый хлеб, делаясь с народом знаниями и культурностью, которые из поколения в поколение мы приобретаем на трудовые деньги того же народа...».

лией» в том смысле, как Н. Найт оценивает В.В. Григорьева, хотя между двумя русскими востоковедами можно найти явные сходства. Пример Наливкина (да и Григорьева) как раз достаточно типичен. Значительное число туркестанских интеллектуалов, в том числе находящихся на государственной службе, сочувствовало идеям прогресса, конституционализма, либерализма и пр.¹ Какое-то их число поддерживало социалистические (не обязательно в марксистской интерпретации) или близкие к ним оппозиционные взгляды. Среди них было много бывших участников революционного движения, неблагонадежных, находящихся под негласным надзором, кого власть ссылала или отправляла на окраины в надежде избавиться от опасного «элемента».

Определенное вольнодумство проникало и в самые верхи туркестанской власти. Военный министр А. Редигер в своих воспоминаниях описывает историю пребывания на должности туркестанского генерал-губернатора в 1906 г. Д.И. Субботича (сына сербского поэта и политика Йована Субботича), члена Военного совета и георгиевского кавалера. Назначенный в Туркестан в качестве человека, который должен был быть «твердым» и «даже жестоким», Субботич по приезду выступил с «крайне либеральной» речью и стал проводить весьма мягкую по отношению к левым политику. «...Нам и в голову не приходило, – писал Редигер, – что он может оказаться либералом и, если не крайне левым, то по малой мере “кадетом”... кому могло прийти в голову усомниться в этом отношении в старом и заслуженном генерале?..»²

Даже наиболее консервативная часть колониальной элиты позволяла себе вполне либеральные рассуждения о «прогессе, основанном на науке и истинном просвещении»³.

¹ См., например, главу «Хомутовский кружок» в кн.: *Лунин Б.В.* Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность. Конец XIX – начало XX в. Ташкент, 1962. С. 33–70. Членов этого кружка – видных деятелей Туркестана – Лунин характеризует как «либерально настроенных, прогрессивно мыслящих мелкобуржуазных демократов», далеких, впрочем, от революционеров (Там же. С. 69–70).

² См.: *Редигер А.* История моей жизни. Воспоминания военного министра. Т. 1. М., 1999. С. 515; Т. 2. М., 1999. С. 12, 96–97.

³ См. работы о взглядах «православного монархиста» Н.П. Остроумова: Николай Петрович Остроумов // *Историография общественных наук в Узбекистане.* С. 259–271; *Алексеев И.Л.* Н.П. Остроумов о проблемах управления мусульманским населением Туркестанского края // *Сборник Русского исторического общества.* Т. 5(153). С. 89–95; *Джераси Р.* Культурная судьба империи под вопросом: мусульманский Восток в российской этнографии XIX в. // *Новая имперская история.* С. 291–306. «Монархист», «реакционер», «миссионер», «шовинист» Н.П. Остроумов в 1917 г. писал «Великая, свободная России – это мы» и ссылался на князя-анархиста Кропоткина, ученого-народника Лопатина, миллионера-социалиста

Скажу больше: некоторые реформы, которые власть проводила в Туркестанском крае, выглядели более либеральными, чем аналогичные преобразования в самой России. Аграрная реформа, которая фактически уничтожила крупное частное землевладение и передала землю без выкупа в наследственную собственность крестьян, напоминала «земельный передел», о котором грезили российские народники. Власть ограничила активность православной церкви и заняла относительно мягкую позицию по отношению к «туземным евреям», которые, в отличие от своих европейских собратьев, не были поражены в правах. Конечно, я упомянул эти примеры не для того, чтобы доказать, будто правительственная политика в Туркестане не носила имперского и подавляющего характера. Дело в другом. Российская власть ощущала себя на азиатских окраинах «Европой» (как это очень точно сформулировал Ф.М. Достоевский в своем дневнике) в гораздо большей степени, чем это она могла себе позволить в Центральной России, и в гораздо большей степени подчинялась логике прогрессистского мессианства, которое, как власти казалось, совпадает с имперскими интересами государства. Кроме того, власть смотрела на присоединенные территории как на «белый лист», на котором можно рисовать что угодно, и у нее были в большей степени развязаны руки для самых различных социальных экспериментов.

Вряд ли нужно доказывать или оспаривать тот факт, что цивилизаторская миссия, которой империя оправдывала свое завоевание Средней Азии, основывалась не только и не столько на идеологии подавления, уничтожения «низших» рас и народов (хотя, конечно, и она имела своих поклонников) или их христианизации и русификации, сколько – в какой-то момент – на идеологии просвещения и окультуривания «отсталых» обществ. Во второй половине XIX в. идея человеческого прогресса не только не вступала в противоречие с имперской политикой, но была ее составной частью, я бы сказал ее центральным нервом, поэтому успешная карьера человека с либеральными и даже народническими убеждениями, каковым был В.П. Наливкин, в административных структурах Туркестанского генерал-губернаторства не была чем-то странным. Известная доля романтизма и гуманизма вполне органично могла присутствовать в колониальной поли-

Савву Морозова и дворянку-эсерку Брешко-Брешковскую (*Остроумов Н.* Крах демократии // Туркестанское слово. 1917. № 28 (30 сентября)).

тике, придавая империи нравственные черты и компенсируя ее репрессивные действия¹.

Другими словами, превращение *генерала* Наливкина в *товарища* Наливкина оказывается не таким удивительным и неожиданным, как это кажется на первый взгляд. В политической и идеологической системе координат он, безусловно, довольно резко передвинулся из верхушки административной элиты в оппозицию. Но этот сдвиг стал результатом всего предыдущего опыта Наливкина в аппарате колониального управления². Итогом карьеры человека, дослужившегося до чина гражданского генерала, стало разочарование в тех целях, которые ставила перед собой имперская власть в Туркестане, и в тех средствах, которые она использовала для их достижения. Туземцы, которых «законы природы» должны были заставить принять более высокую культуру, не только не желали изучать русский язык и приобщаться к российской гражданственности, но и все больше тяготели к исламу и к оппозиции по отношению к России. Вину Наливкина возложил на саму Россию и в ее лице – на всю «европейскую цивилизацию», которая так и не смогла стать по-настоящему нравственным примером для туземцев, погрязнув в коррупции, невежестве и прочих пороках³. Вслед за этим последовал радикальный вывод о том, что субъектами взаимодействия в дальнейших прогрессивных преобразованиях должны быть не «Европа» и «Восток», отношения между которыми носят характер господства и подчинения, а социалисты и пролетариат, между которыми неизбежно подлинное партнерство⁴. Наливкин не только предложил разрушить

¹ «...Я нигде не утверждаю, что ориентализм – это зло...» (Саид Э. Ориентализм. Послесловие. С. 41.)

² В «Моем мировоззрении» Наливкин писал, что его взгляды постепенно слагались и непрестанно эволюционировали в течение всей жизни: «...Отдельные частицы того материала, из которого слагалось мое мировоззрение, случайно или сознательно, добывались постепенно, крупными и без всякой системы. Время от времени они сортировались, многое выбрасывалось в качестве негодных обломков, мусора, многое впоследствии снова извлекалось из этих постепенно разрастающихся сзади меня мусорных куч...» (ЦГА РУз. Ф. 2409. Оп. 1. Д. 2. Л. 150.)

³ Я, кстати, думаю, что не изменение наливкинского отношения к имперской политике в Туркестане было причиной его полевления, а наоборот – полевление, вызванное идеологическими спорами внутри российского общества, повлияло на отношение к «туземной проблеме». Кризис ориентализма произошел в имперском Центре, а не на имперской границе.

⁴ «...Задача критического исследования – не отделить их [образы и идеи «Восток» и «Запад». – С. А.] друг от друга, а, напротив, соединить...» – так сформулировал свой антиориентализм Саид (Саид Э. Ориентализм. Послесловие. С. 34). Одним из дискурсов, который мог «соединить» Восток и Запад, был социалистический (марксистский) дискурс. На это лишь намекает Саид, который подробнее пишет

представление о «Востоке» как едином целом, но и отказался от своей «европейской» идентичности, заменив ее на социалистическую идентичность.

У кризиса ориентализма в России были свои специфические причины. Это и неясное промежуточное положение Российской империи между «Западом» и «Востоком», и политический кризис устаревшего царизма, и проблемы экономической модернизации в аграрной стране, и пр. Перефразируя слова Ленина, можно сказать, что Россия была слабым звеном в цепи ориентализма. Однако в данной статье я стремился отметить прежде всего конфликты внутри самого ориенталистского дискурса. Поднятая на самый высокий уровень мера осознания цивилизаторской миссии русского человека неизбежно обнаружила противоречия ориентализма как идеи и практики, что, в свою очередь, должно было, видимо, столь же неизбежно привести к отказу от ориенталистского взгляда и к замене его альтернативной идеологической схемой. Получилось ли это у Наливкина или не получилось – другой вопрос. Но сама попытка преодолеть ориенталистский тупик была сделана и это заставляет нас посмотреть на ориентализм как на сложный, изменяющийся и даже способный к отрицанию себя самого «способ мышления».

о том, как Маркс использовал ориенталистские образы (*Said E.W. Orientalism*. P. 153–156). О «всемогущем импульсе революции», способном «победить идею Востока», пишет А. Халид, но эту идею не развивает (*Khalid A. Russian History*. P. 697). Тема ориенталистских и антиориенталистских идей в русском марксизме затронута в книге О.Б. Леонтьевой (см.: *Леонтьева О.Б. Марксизм в России на рубеже XIX–XX веков. Проблемы методологии истории и теории исторического процесса*. Самара, 2004. С. 95–112).